

18+

**АЛЕКСАНДР
ШЛЯПИН**

ОХОТА НА ЦИКЛОТА

РУССКИЙ АВАНТЮРНЫЙ РОМАН

Александр Шляпин

Охота на циклопа

«Издательские решения»

Шляпин А.

Охота на циклопа / А. Шляпин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688248-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Падение в июле 1942 года транспортного немецкого самолета «Юнкерс-52» в озеро в Псковской области на долгие годы прячет тайну огромной партии обезболивающих средств для группы армии «Центр». Цена груза около 12 млн. дол. Проходят годы, и эта тайна рейха становится лакомым куском для тех, кто хочет быть богатым и счастливым.

ISBN 978-5-00-688248-5

© Шляпин А.
© Издательские решения

Содержание

ОХОТА НА ЦИКЛОПА	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
СМЕРТЬ ПРИХОДИТ НЕЖДАННО	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
ВЕРСИИ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	19
МОСКВИЧ	19
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	25
ЗАЦЕПКА	25
ГЛАВА ПЯТАЯ	28
БАНЯ	28
ГЛАВА ШЕСТАЯ	30
ЦИКЛОП	30
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	36
СМЕРТЬ СВИДЕТЕЛЯ	36
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	38
СЛЕД	38
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	40
ЗОНА	40
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	42
ХИТРЫЙ ПЛАН	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Охота на циклопа

Александр Шляпин

© Александр Шляпин, 2025

ISBN 978-5-0068-8248-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОХОТА НА ЦИКЛОПА

Эта детективно-авантюрная история, наполненная яркими и удивительными приключениями, является целиком и полностью художественным вымыслом автора и не имеют ничего общего с реальными людьми и приключениями описанными в этом романе. Все действующие лица, изображенные в этом произведении: их должности, имена, фамилии, совпадающие с личными данными реальных людей, упомянутые в данном произведении, простая случайность, не имеющая никакого отношения к реально существующим персоналиям.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СМЕРТЬ ПРИХОДИТ НЕЖДАННО

Все приметы говорили, что день будет неудачным. Завтракая, Селезнев, потянулся за маслом и случайно зацепил локтем чашку. Она перевернулась. Горячий чай, плюхнулся ему на семейные трусы, в районе «причиндалов», как называла жена его мужское достоинство.

– Ой! Собака, какая дикая! Ой, как же мне больно, – взвыл Селезнев, стараясь придать своему вою больше трагизма.

Он вскочил из—за стола, и запрыгал по кухне, оттягивая резинку, чтобы придать обожженному месту приток воздуха.

– Трусы чистые там, – сказала спокойно жена Анята, – на веревке в ванной висят.

Анька давно смирилась с тем, что её муж был каким—то семейным недоразумением. Несмотря на то, что он работал в районном отделе полиции сыскарем, и даже считал себя профессионалом, в обычной жизни, он был большим ребенком, который совсем недавно встал на путь постижения науки бытия.

– А ты хоть, знаешь, что я себе ошпарил? – крикнул он через открытую дверь.

– Что же ты Селезнев, мог такое ошпарить, чего я не знаю, – спросила Анята. – Неужели у тебя там, что—то есть? Это для меня сенсационная новость.

– А ты, что Анята, сомневаешься?

– А ты, мне не оставил вариантов не сомневаться. Я месяц от тебя слышу – «отстань – я устал». Это тебя Бог, наказал!

– За что?

– За то, что ты не умеешь пользоваться тем, что он тебе дал, – с ехидством сказала Анята, продолжая трапезу.

– А вдруг, у меня ожог второй степени, – иронично спросил Иван и присел рядом. – Мне почему—то чертовски больно. Наверное, пойдут водянистые пузыри. Потом они лопнут и.

– Потом твои причиндалы отвалятся, и я тебя брошу, – ехидно сказала жена. – Рот не надо было разевать, – перебила она.

– А я и не разевал, – ответил Иван

– Я вообще удивляюсь, как ты, на флоте служил? Ты, Ваня, даже по земле ходишь, как пьяный. Тебя почему—то всю жизнь болтает.

– Это потому, что я постоянно работаю мозгом. Я анализирую и логически подчиняю себе ситуацию.

– Лучше бы ты, работал тем, что себе обварил, – сказала Анята. Она встала из—за стола, и швырнула Селезневу на колени льняное полотенце.

Иван улыбнулся. Забыв о пролитом чае, с головой ушел в смакование «Геркулеса», с паштетом из мяса индейки, который жена варила ему почти каждое утро.

Весть о смерти отставника майора Афанасьева, ударила по голове, словно обухом. Селезнев сорвался с места и во главе с опергруппой прикатил на место вызова.

– Ой, Иван Васильевич, какое у нас горе. Александра Петровича убили. Там ужас, что творится, – причитала соседка под дверями.

Сердце Ивана оборвалось. Он до последнего момента думал, что это какая-то ошибка, но это была реальность. Иван лично знал Афанасьева. Было трудно предположить, что этот тихий и добропорядочный человек, мог кому—то перейти дорогу. А еще хуже, стать объектом преступного посягательства.

– Что случилось Клавдия Михайловна, – спросил Селезнев.

– Ну, я, как обычно молоко утрешнее принесла соседу. Я стучу в окно, а он не выходит.

– Ну, а дальше! Дальше можно?

– Ой, горе то какое, – вздохнула старуха, вытерев краем платка заплаканные глаза.

– Дальше, что было, – спросил Селезнев, чувствуя, как его нервные клетки начали возбуждаться.

– Ну! Я подошла к двери. Вошла в хату, а там это. – Еле договорила бабка. Соседка снова разрыдалась, и, достав из кармана тужурки кусок белой ткани, стала вытирать лаза и сморкаться.

Капитан остановился около проема, и чтобы отвлечь пожилую женщину от рыданий, спросил:

– Эти двери?

– Да, да эти.

– И что, они были открыты настежь?

– Ну, так немножечко. Щелка была. Я глянула, а там он лежит, и кровь на ковре. В руке стакан держит.

– А вы ничего не трогали?

– Нет, товарищ капитан, ничего. Только я молоко оборонила. Банка на пол упала и разбилась.

– Хорошо Клавдия Михайловна, вы свободны – пока. Идите домой, успокойтесь и примите валерьянки.

Иван обернулся, и, увидев участкового, сказал:

– Кириллов, пригласи понятых, а потом опроси Клавдию Михайловну. Не забудь объяснение взять у неё об обнаружении трупа.

– Все товарищ капитан, сделаю, как положено, – ответил старший лейтенант. Он, нежно взяв под локоть женщину, и вывел её из квартиры. Нужно было допросить свидетелей, найти понятых и обработать жилой сектор на предмет улик.

Иван осмотрелся. Немного подумав, стал прохаживаться по комнате.

– Пиши Щеглов. Осмотр помещения, производится по адресу: улица Рабочая 92, однокомнатная квартира на первом этаже двухэтажного кирпичного дома. Осмотр производится в светлое время суток при естественном освещении. На полу на расстоянии примерно метра от нижнего левого угла единственного окна находится голова потерпевшего мужчины, лицом вверх. Ноги потерпевшего вытянуты вдоль тела и находятся на расстоянии полутора метров от северной стены квартиры, в правой руке, вытянутой вдоль тела, зажат стакан. Труп мужчины примерно сорока семи лет. В правой руке покойного зажат граненый стакан. Левая рука, откинута в сторону.

– «Хрущевский», – поправляет Щеглов.

– Стакан граненый! – утвердительно сказал Селезнев. – Пиши дальше и не отвлекайся. – Голова покойного в лобной кости между надбровных дуг, имеет отверстие округлой формы с характерным налетом предположительно порохового нагара. В упор сука стрелял! Пишем дальше. Под головой покойного явно просматривается пятна бурого цвета – предположительно похожие на кровь. А также фрагменты ткани розового цвета. Вероятнее всего, выстрел был сделан в лоб. Приблизительно сантиметров 30 – 40. Отверстие сквозное. Фрагмент, похожий по структуре на вещество мозга, лежит рядом с головой. Записал?

– Так точно, Иван Васильевич – записал, – ответил опер.

– Так пиши дальше: На полу разбросаны вещи покойного в виде фотографических открыток и каких—то записей на старой бумаге.

Иван, молча, поднял с пола пожелтевший от времени листок и прочитал: – «Боевое донесение командира второго взвода РПТР, лейтенанта Василенко Н. В. о безвозвратных поте-

рях второго взвода, четвертой роты, триста сорок третьего мотострелкового полка от 24 мая 1942 года».

– Это тоже Васильевич, записывать? – спросил Щеглов.

– Ты что, Щеглов, будешь мне весь архив Министерства обороны переписывать? Пиши то, что я говорю.

– На месте преступления стоит, бутылка с прозрачной жидкостью. На этикетке металлического цвета бутылки надпись золотыми буквами «Царская охота», от жидкости исходит характерный запах спиртного. – Во, видал Щегол, какую водку нужно пить! Это тебе не «Снигиревка», а рублей триста, а может и пятьсот такая бутылочка стоит!

– Триста я покупал.

– Пиши дальше алкоголик! Рядом на столе на алюминиевой подставке в виде «ромашки», стоит чугунная сковорода с продуктом питания. Предположительно – жареный картофель.

– А, это зачем писать Иван Васильевич?

– А, чтобы капитану Петроченкову тоже была работа. Пусть наш уважаемый эксперт, устанавливает жареный это картофель или пареная в печи тыква.

– Прикалываешься, Селезнев? – подал голос Петроченков, опыляя по бутылке кисточкой дактилоскопический порошок.

– Я, Василий Петрович, исполняю служебные обязанности и долг старшего оперуполномоченного убийного отдела. Так, пишем дальше, не расслабляемся: Также на столе в алюминиевой суповой тарелке находятся продукты питания. Судя по внешнему виду это маринованные опята с репчатым луком в подсолнечном масле.

– Ты что, Васильевич, экспертом заделался? А может это бледные поганки с луком порей в машинном масле «Шел»? – подколот эксперт Селезнева.

– Я, Василий Михайлович, как тот чукча – что вижу, о том и пишу. А я вижу маринованные грибы! Вижу водку! Вижу жареную картошку! И понимаю, что здесь ужинали и беседовали два человека. Приятно беседовали. Выпивали вкусную водку, закусывали её вкусными грибочками с постным маслом. А потом – потом неизвестный, вытащил ствол, и хлоп – убил Александра Петровича одним выстрелом. Убил прямо в лоб! Просто так – хлоп и убил! Убил, отставного майора Афанасьева: Афганца и героя. Убил председателя поискового объединения. Убила, собака дикая, моего друга, а мне вот вместо того, чтобы думать, приходится писать, про жареную картошку. Про эти сраные опята, которые я собирал вместе с ним вот этими самыми руками, – завелся Селезнев.

Иван, расстроенный убийством друга, начал набирать обороты. Чтобы успокоиться, он достал сигарету, и, несколько раз нервно чиркнув зажигалкой, закурил.

– Петроченков, этот труп, еще вчера был моим закадычным другом! Я ведь Сашку знал с детства. Я на флот ушел, а он в армию. Он в Афгане воевал, а я ходил в дальние походы. Он майор запаса, а я еще капитан полиции. Через два года мне уходить на пенсию, а я, как был капитан, так капитаном и умру. А сейчас товарищ Петроченко, здесь на полу лежит мой друг с дыркой в голове. Я не знаю пока кто, и за что его убил. За что можно убить человека, если он никому кроме добра ничего не сделал? Парень по лесам, полям и болотам искал бойцов погибших во время войны. Он восстанавливал имена героев! И что за это его надо было убивать? Что за день сегодня такой? С утра себе яйца обварил чаем, теперь еще друга убили! Кто мне скажет, за какие грехи, мне выпали такие испытания?

– Это, Иван Васильевич, наверно, магнитные бури, – тихо сказал Петроченков, собирая улики в целлофановые пакетики. – Вот, к примеру: если мне приснился сон, что я с кем—то занимаюсь сексом, значит, хоть из дома не выходи вообще. Бери бюллетень и сиди, жди неприятность. И то все равно, что—то поганое, но обязательно случится. Ты вот Иван, себе яйца чаем обжег, это явно был тебе знак, что будет какая—то неприятность. Вот она и случилась.

– А мне товарищ капитан, если приснится говно, то это всегда к деньгам. Или зарплата или на улице просто так найду, – сказал старший лейтенант Щеглов. – Это точно, к бабке не ходи. Несколько раз проверял.

– Так мужики, что расслабились. Работаем дальше.

Иван Васильевич продолжил диктовать описание места происшествия, а в эту минуту все улики и образцы вещдоков, он как бы вкладывал в маленькие ящички своего мозгового секретера. Когда первичные следственно-оперативные действия будут закончены, он включит свой мозговой компьютер и, начнет по крупицам выстраивать логическую цепочку преступления. Иван ходил по комнате, монотонно читая текст, как по заученному. Он описывал место происшествия, который должен был войти в уголовное дело. Это было нужно, и он всегда делал это с максимальной щепетильностью, чтобы потом не искать в деле нужных деталей и снова не возвращаться на линию старта.

Покойный отставной майор Афанасьев жил один: его жена Ольга, несколько лет назад ушла от него. Она просто не выдержала его многомесячных командировок, и эту грязь времен минувшей войны, которую тот тащил в дом со всех полей и лесов. Друзья поисковики, его одноклубники, все внесли в семейный раздор свою лепту. С каждого рейда они заполняли дом трофеями, и тот начинал напоминать склад металлолома или разоренный некрополь. Во всех углах, на всех полках, лежали ржавые фронтовые раритеты. Александр Петрович в делах поиска, как и Селезнев, был настоящий профи, и эта особенность к поисковому делу объединяла их вместе. Только капитан Селезнев искал преступников, а Афанасьев искал эхо прошедшей войны.

– Ты, Михалыч, все осмотрел? – спросил Селезнев, копошащегося возле трупа эксперта.

– Да, заканчиваю.

Иван вновь достал пачку «ЛД» и закурил. Он, по привычке, прищурился, еще раз он внимательно осмотрел комнату. Несколько раз затянувшись, он подошел к тумбочке, на которой стоял добрый старый ламповый «Электрон-716» Львовского завода. Присев, Иван выдвинул ящик. Он знал, что тот наполнен ржавыми раритетами. Иван раньше не понимал: на хрена Афанасьеву все это, до тех пор, пока не увидел собственными глазами, с какой благодарностью смотрели на него люди, когда он отдавал им ржавые часы погибшего деда, или пробитую осколком ложку с именем и фамилией пропавшего без вести красноармейца. Каждый предмет в его доме имел свою судьбу и своего хозяина. Хоть и был он ржавый, но до сих пор хранил о нем тепло и память.

– Михалыч, а ты видел этот «Парабеллум»?

– Не марай руки! Фигня, на постном масле, рухлядь, – ответил Петроченков, не отрываясь от дела, – восстановлению не подлежит. Так, что по огнестрелу и возбудиться не чем.

– А что у нас в районе и отремонтировать некому? Может, не перевелись еще на земле русской умельцы? – спросил Иван. Он бросил ржавый немецкий ствол обратно в ящик и вытер руки. – А, представь Щегол, сколько из него нашего народа было побито – мама не горюй! А сейчас он раритет – мать его, музейный экспонат!

– Месяц в тормозной жидкости надо отмачивать, – сказал старший лейтенант Щеглов – Я когда—то на своем огороде пистолет «ТТ» нашел, так месяц в тормозной жидкости держал, пока он шевелиться не начал. И знаете, Иван Васильевич, расшевелил я его. Можно было даже разобрать.

– И что пострелял, наверное, вволю, – спросил капитан Селезнев?

– Ага, пострелял – постреляешь с таким раритетом. Там, проржавело все! Сдал через свою бабку в РОВД. По закону это уже утилизированный огнестрел. Она за него хоть к пенсии двести рублей получила. Один хрен на переплавку пойдет.

– Я, Сережа, доложу подполковнику Якимову, что ты, используешь служебное положение в целях личного обогащения. Ох, и навалим тебе Щеглов срок, и поедешь в Нижний Тагил

этапом чашечки для мороженого штамповать. Это же надо, на целых двести рублей государство объегорил! – сказал Селезнев, шутя – Ты, Вася, хоть приблизительно установил, из чего стреляли в Афанасьева? – спросил он эксперта.

– Ну, Васильевич, судя по гильзе, это или «Вальтер-РР», или бельгийский Браунинг «Хайпауэр». Гильза, как у нас говорят РР 9Х19 «Luger», – сказал эксперт, рассматривая через лупу лицо Ивана.

– Это что, типа от «Шмайсера», что ли?

– Сколько раз говорить: не от «Шмайсера», а от «Парабеллума» – стандартный девяти миллиметровый патрон, принятый, как РР—19. 19 мм это длина гильзы, стоял, стоит и будет стоять на вооружение Германии в 1907 году для пистолета «Р—07» «Борхарда Люгера».

– Мы в детстве такими патрончиками забавлялись. У нас товарищ Петроченков, их было тут столько, словно шелухи от семечек.

Эксперт сложил аккуратно свой кейс и, присев за стол, сказал:

– Слушай Селезнев, пора, наверное, заканчивать. Где это следак прокурорский, черт бы его побрал? Да, хотя он в принципе и не нужен. Мы за него всю работу сделали. Приедет, распишется, и будет героем! Может, я уже пойду, в заключении через пару дней все опишу. Только прошу, в эти дни не мешай мне работать, быстрее один хрен не будет. С пальчиками, как я и предполагал все чисто, как в операционной. Никаких следов. Даже покойного тщательно стерты, – сказал уныло Михалыч, рассматривая через лупу стакан.

– А ты, Михалыч, покойника дактилоскопировал?

– Обижает Селезнев, это аксиома – Я это в первую очередь делаю.

Иван подошел к окну. Отодвинув занавеску, он выглянул во двор. Приоткрыв форточку, он выбросил окурок на улицу и сказал:

– Да, насчет гильзы пошевелись, пожалуйста! Напряги коллег из экспертного отдела. Пусть они шустрее поработают. Ты ведь знаешь Вася, этих археологов—копателей? Уже завтра к нам в город со всей страны съедутся. Я даю сто процентов, что найдутся «борцы за справедливость». Будут в следствие свое «жалю запилить». Кто, что и почему? А у меня сейчас пока даже версии нет. Так одни эмоции. Завтра Якименко брифинг соберет и будет перед главой администрации на планерке прыгать на задних лапках. А я, Ваня Селезнев, должен его подхвостье прикрывать, чтобы ему с управления не вдудли по самые – мама не горюй! Да, ты пулю с дверного косяка достать не забудь.

– Уже – ответил эксперт.

– Что уже?

– Уже достал и к делу приторочил.

– Скучный ты, Вася. Тебя, что ни попросишь, ты уже все сделал. Труп дактилоскопировал. Пулю достал. И даже марку ствола приблизительно установил, хотя этими патронами вся Европа стреляет. Нет в тебе Вася, ни тайны, ни загадки.

– Я, товарищ капитан, не Штырлиц, чтобы иметь тайны, и не баба, чтобы быть загадочным, – сказал Петроченков – Я между прочим дипломированный эксперт. Делаю свое дело не хуже других.

Иван глянул в окно и увидел, как подъехала черная «Шеви Нива». Это был следователь прокуратуры района.

– Михалыч, я на улицу. Там следователь прокурорский прикатил, пойду его встречу. А ты улыбайся, и делай вид, что мы уже на грани раскрытия, он это любит. Я лично терпеть Веретенникова не могу, а он меня.

Иван вышел на улицу.

– Здравствуй Олег Михайлович, что—то вы сегодня припозднились. Мы уже тут все описали.

– Машина, барахлила! Датчик холостого хода полетел. Уехать не мог, – сказал прокурорский, протягивая Ивану руку.– Ну, Иван Васильевич, доложи, что тут у нас случилось?

– Тут, Олег Михайлович, чистая трагедия, как по Шекспиру. Убит выстрелом в голову отставной майор Александр Афанасьев. Вы его знаете.

– Это тот военрук из местной бурсы, который розыском у нас в районе занимался? Председатель поискового клуба говоришь?

– Так точно – он! Только розыском занимаюсь я, капитан Селезнев, а поиском занимался отставной майор Афанасьев.

– И что? Какие у тебя, Иван Васильевич, версии? – спросил следователь, проходя в дом.

– Версия пока одна – ограбление или разбой. Но что похитили, я точно не знаю. Уточню у жены, может, она в курсе, – сказал Селезнев.

Следователь осмотрел место происшествия, и сказал:

– Я вижу, Иван Васильевич, что это убийство. Умышленное убийство при помощи огнестрела. Я пока возбуждаю уголовное дело по сто пятой и двести двадцать второй. С грабежом пока не определено. То, что вещи разбросаны, это не говорит о том, что покойного ограбили. Может его из чувства мести убили, или за какие долги, а этот бардак так для понтов и ментов устроили. Определимся позже в рабочем порядке!

Пока прокурор ходил по комнате, рассматривая место происшествия Селезнев, словно угорь, скользнул в двери, и исчез на улице. Спрятавшись в УАЗик, он сел на переднее сиденье и с блаженством закурил.

– Что уже едем, – спросил водитель сержант.

– Погоди, там еще Щегол с Петроченковым, мозг Веретенникову компостируют. Я вырвался, типа допрос свидетелей устраиваю. Хочу послушать, что народ говорит по поводу убийства. Мало ли кто кого видел или, что слышал.

– Я тут уже час сию и слушаю. Несут околесицу. Я товарищ капитан, тут такого наслушался. Вон та бабка, что в синем платке, говорила, что умер покойный от водки. Ну, типа купил самогон, выпил, и, упав на пол, разбил себе голову.

– Убили его Коля. Пуля попала прямо в лоб, – сказал Селезнев, и глубоко вздохнул – Бляха медная – хороший был мужик. Ты машину прогрей, а то меня, что—то знобит, – сказал Селезнев – Напьюсь я сегодня сто процентов. Сержант завел машину и через пару минут теплый воздух начал движение по кабине.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕРСИИ

С самого начала рабочего дня, начальник отдела подполковник Якимов собрал всех оперативников на традиционное совещание. В течение получаса он выслушал доводы и рабочие версии оперов. В кабинете затянулась пауза, и подполковник Якимов, бросив карандаш на стол, сказал:

– Так, Иван Васильевич, я надеюсь на ваш многолетний опыт. Мне верится, что вы, завершите все оперативно-розыскные мероприятия. В нашем районе это убийство вызвало довольно сильный общественный резонанс. Убитый отставной майор Афанасьев, герой Афгана. Это не простой бомж. Это человек, которого не только знают в области, но и в самой Москве. Это благодаря ему, и его пацанам за последние годы около десятка семей по всей стране, нашли своих отцов и дедов, которые погибли в нашем районе. Только за эти заслуги, он уже достоин того, чтобы его убийца был изобличен и наказан по всей строгости закона. А теперь, господа-товарищи офицеры, расходимся по рабочим местам. Я надеюсь, что мне не придется краснеть перед администрацией нашего города. Будь она трижды не ладна – эта администрация! – сказал Якимов, вспоминая интриги, которые плел против него глава администрации Васильев.

Поводом для получения выговора от начальника управления стала негласная жалоба частного характера от главы администрации района, на интимные связи подполковника Якимова. По городу пополз слухок, об их обоюдном посягательстве на тело секретарши местного РАЙПО Кушнеровой. Тогда это были всего лишь слухи. И они не имели никакой конкретной базы, но из областного управления внутренних дел инкогнито приехал дознаватель, который зафиксировал на видеокамеру, факт «морального разложения» начальника РОВД, с гражданкой Кушнеровой. Во избежание скандала, это дело замяли. Но уже через месяц, Якимов нанес ответный удар, и поймал бывшего друга Васильева, как участника браконьерского промысла. Это преступное деяние так же было снято на видеокамеру. Обменявшись компроматами, бывшие друзья превратились в заклятых врагов. Теперь каждый день они искали повод, чтобы по больнее ужалить друг друга, и сместить симпатии Кушнеровой в свою пользу.

Оперативники ввиду окончания совещания покинули кабинет. В коридоре, пока Иван не исчез из отдела, к нему подошел капитан Петроченков. Намекая на полученную новость, он интригуяще сказал:

– Иван Васильевич, я слышал, что шеф сегодня тебя домогался. У него, что очередной гормональный взрыв, или он номинант на премию министра МВД по нераскрытым всякам? У тебя часом головка после вчерашнего не болит?

– Бо—болит, – ответил Селезнев, – ты что, Василий, предлагаешь полечиться?

– Предлагаю выпить пивка, и выслушать новости по фактам твоего нашумевшего дела. У меня для тебя, есть интересная новость. Пока там наши коллеги из областного экспертного отдела будут сочинять справки, я, как Финист ясный Сокол, готов сегодня пролить свет на твою проблему и поставить тяжелый груз следствия на рельсы быстрой раскрываемости. Только, Ваня, если можешь, то зайди ко мне минут через десять. Мне ненадолго надо отлучиться по делам. А потом мы с тобой и пивка попьем, и посидим, покумекаем о делах наших скорбных. Я после выходного сильно болен, и я не откажусь от лекарства, – прошипел эксперт Селезневу в ухо.

– Э – э, Вася, с этого места давай подробней! Что ты, там еще такое нарыл, ты хоть намек сделай, не томи капитану душу.

– Придешь через десять минут. Я буду в своей келье. У меня сейчас важный разговор, – сказал Петроченков, и помчался на третий этаж.

Иван пару секунд стоял, словно его, как таракана прихлопнули тапком. Он не мог очухаться от мысленного удара. Раз Петроченков намекнул на пиво, значит, у него появился какой-то «золотой ключик», который способен открыть потайной замочек. Тут до Ивана дошло, и он заголосил вслед уходящему эксперту.

– Э-э-э! Вася, я сейчас! Айн момент!

– Я Васильевич, буду в своем «офисе», – крикнул, обернувшись Петроченков. – Через десять минут.

– Ох, и сучий ты сын! – сказал сам себе Селезнев, и двинулся к выходу. Остановившись, Иван, как бы отошел от навалившейся проблемы, и сказал дежурному:

– Славик, если кто будет спрашивать, я на пару минут в кулинарию. Пусть подождут здесь. На допрос должны прийти по поводу Афанасьева.

Дежурный по РОВД, не отрываясь от журнала, одобрительно махнул головой. Иван вышел на улицу. Яркое утреннее солнце резануло по глазам. Похрустывая свежим снежком, Васильевич проследовал в «кулинарию», которая была на первом этаже ресторана, недалеко от отдела. Здесь, как всегда, с утра было многолюдно. Только в «кулинарии» продавали в это время в разлив алкогольную продукцию, поэтому «больных», было достаточно.

– О, полковник Селезнев, собственной персоной пожаловал, – сказал один из утренних завсегдатаев.

– Не полковник, а капитан! Рано ты Глебович, мне полковника присвоил. Мне бы до майора дослужиться, и на пенсию. Надоело!

– Ты, Васильевич, наверное, для дела? Проходи без очереди. Мы ведь мужики понятливые, видим, что нужно.

– Глебович, никакие трубы у меня не горят! Не пил я вчера столько, чтобы сегодня тушить пожар. Это для дела надо.

– А, понял! Все молчу – молчу! Видно лиходея, какого колешь? – сказал Глебович, и крутанув ус, улыбнулся.

Продавщица Люська, при виде Селезнева, расплылась в улыбке. Она растянула покрашенный алой помадой рот, до максимальных размеров:

– Здравсте, Иван Васильевич! Что—то вы сегодня совсем не с лица будете! Видно преступники окаянные одолели, или супружница ваша, вас не тешет?

Люська звонко засмеялась.

– Не гони коней, Люда, и без того на душе тошно! Дай—ка мне для начала две бутылочки пивка – «Балтику», и рыбки сушеной. Но только, чтобы не сильно была соленая, – сказал Иван.

Продавщица поставила пиво на прилавок.

– Ну, мужички рыбку охотно берут. Назад никто еще не принес; – сказала Люська, моргая бархатными ресницами. – Может, Иван Васильевич, вам завернуть все это для конфиденциальности?

– Ладно, давай быстрее! Время не терпит. Потом пообщаемся, как «больные» рассосутся.

– Ловлю вас на слове, Иван Васильевич, – томно сказала Людмила, эротично поправляя выступающий бюст.

Селезнев, не обращая внимания на Люськин флирт, отсчитал деньги, и, бросив их в тарелку, схватил пакет с покупкой.

– О, боже, какой мужчина! Я хочу от тебя сына, – замычала Люська, разливая водку по рюмкам. Селезнев махнул рукой, и выскочил из кулинарии.

Капитан Петроченков, по мнению коллег, был настоящий «рэкети́р». Чтобы на халяву да не попить пива – такого не могло быть вообще. Из убойного отдела на его «оброк», никто не обижался, ибо это было уже традицией. Личностью Петроченков был общительной. За бутыл-

лочкой пивка, мог, как эксперт рассказать больше чем требовали служебные отношения и протоколы. Селезнев знал эти особенности и поэтому даже где—то в душе был рад, что после утренней «вздрючки» на ковре у шефа ему хотелось кому—то поплакать в «жилетку». Васька был для Селезнева именно той «отдушиной», которая могла его выслушать, и посоветовать, что делать. При этом Василий Петрович, так ловко умел подкинуть какой-нибудь фактик или версию, что они, словно отмычки, отпирали сказочные дверки. А были времена когда, достав из кармана «чекушку», Иван без всякого повода, угощал капитана Петроченко, как настоящего боевого друга. У эксперта в лаборатории было уютно и тихо. Его экспонаты и вещдоки собранные не одним поколением, вызывали у гостей интерес. Было в коллекции капитана трофейное и даже самодельное оружие. Иван, как настоящий мужик, был к огнестрелу не равнодушен, поэтому всегда интересовался новинками.

– Во, Петрович, сказал Селезнев, – показывая две бутылки пива. – Теперь, давай выкладывай, что ты там такое нарыл.

– Не спеши, Васильевич. Новость от нас никуда не денется. А приготовиться русскому мужику к пивной церемонии это, как самураю к чайной. Во всем должна быть размеренность и традиция. Я сейчас твою рыбку аккуратно препарировую, а после мы по стаканчику выпьем. Вот тогда, когда пиво окажется в желудке, тогда можно начать сеанс душевного общения! А насчет шефа я тебе скажу одно: Я, брат, блюду нейтралитет! Свою позицию я не хочу высказывать на людях. Якимов мужик правильный, и знает дело туго. Он при желании может достать даже тогда, когда выйдет на пенсию. У него, Ваня, в управлении такие ферзи сидят, что нам с тобой и не снилось! – сказал Михалыч, размеренно и спокойно и в такт своим действиям.

Он разложил леца на газете, надел резиновые перчатки и аккуратно скальпелем, словно заправский хирург, стал разбирать рыбу. Иван, глядя на его действия, томился в ожидании. Он чувствовал, что эксперт специально скрывает интересную информацию, чтобы сделать это маленький пивной «фестивалик» запоминающимся на долгие годы. Селезнев мечтал услышать то, что прольет свет на дело по Афанасьеву. Селезнев поэтому ждал и не вмешивался в его представление. По-хозяйски, обоймой пистолета, он открыл пиво, и, не будоража пены, наполнил два глубоких бокала янтарного цвета напитком.

– Ну—ну, что там у тебя, выкладывай! Уж больно не терпится знать, – сказал Иван.

– Двери закрой на ключ, – сказал Петроченков.

Он, не торопясь умело отделил филе от костей, и сложил его рядом ровной стопочкой на край газеты. Затем оторвав свободный кусок, завернул рыбные останки, и кинул в корзину.

– Ну, вот Иван Васильевич, процесс завершен! Теперь растопыривай свои уши, и слушай!

Петроченков взял стакан и чокнулся с Иваном.

– Вчера вечером, я позвонил своему приятелю. Он в экспертно-криминалистический отделе работает. Ну, мне просто хотелось знать, что там с нашим стволом по делу твоего отставника. Как я тебе и говорил, гильза изъятая на месте преступления, и пуля из дверного косяка принадлежат – «Хайпауэру». Но это не самое интересное. Неделю назад из этого самого пистолета, но уже в Москве, в своей квартире был застрелен, знакомый нашего трупа. И заметь! Он не простой поисковик. Он целый президент ассоциации поисковых клубов «Вечный огонь» – по фамилии Сергей Солдатов. Его убийство, как полагает следствие, спровоцировано последствием скандала в «датском королевстве», то бишь в Министерстве обороны России. Прошлым летом в одном из озер в Калужской области, Солдатов со своей поисковой командой обнаружили немецкий танк Т-4 или «Тигр», я в подробности не вдавался. На него наложила лапу министр обороны Мордюков. Военные тупо признали его своей собственностью. Солдатов подал в суд, и это дело выиграл. Суд постановил, что данный танк немецкого производства. По архивам изделий министерства обороны России и бывшего СССР, он не значится. А значит, принадлежать МО он не может. В связи с тем, что находка не является достоянием государства, то все права на данный объект спора, сохраняются за ассоциацией поисковиков «Вечный

огонь». Пока там шли судебные разбирательства, «Тигр» каким—то образом из боксов Наро-фоминской танковой дивизии, испарился. Солдатов, повторно подал в суд, на командование дивизией и выставил иск, в один миллион североамериканских зеленых рублей. Эту сумму за этот экспонат, предложил один из западных музеев. Вот тут и нашли дома, этого неумного истца, с аналогичной дырой в голове? – сказал Михалыч, умело ставя вопрос своим рассказом.

– Тогда причем здесь Афанасьев!? – Спросил Селезнев, отпивая пиво из стакана – Где Москва, а где наш Велиж?

– Вот тут Ваня, сокрыто самое интересное! По свидетельским показаниям жены Солдатова Ирины, наш потерпевший Афанасьев, был знаком с ним. Они еще со срочной с Афгана вместе дружили. За месяц до убийства Солдатова, Петрович жил у него целую неделю в Москве. Он ковырялся в подольском архиве МО. Я так думаю, Ваня, этим делом в Москве занимаются все кому не лень. Следственный комитет Москвы, СК, ФСБ, а возможно, что даже и всемирная лига сексуальных меньшинств, как говорил турецко-подданный Остап Бендер. Так что, братец, не ровен час, ждите гостей. Даю зуб, они на днях сюда пожалуют. Им же надо познакомиться с тобой, да прошуршать по нашим тайным закромам. Так что, готовь сухие дрова, и топи Ваня, свою русскую баню! – сказал Михалыч, растягивая рот в улыбке.

– Да, Михалыч, спасибо, утешил, – погрузился в раздумье Селезнев, – лучше бы я взял водки. Теперь из—за этих столичных «Аниськиных», нам не будет прохода. Спинным мозгом чую, что в этом деле скрыты такие тайны. Мне сдается Афанасьев, был неугодным свидетелем. Возможно, на его глазах кого—то и когда-то убили, а возможно пронюхал какие—то тайны! А может, он лично знал убийцу Солдатова? Вот поэтому его и завалили, для уверенности – так сказать зачистили. А может быть, что они крутили одно общее дело, да задолжали своим кредиторам!? – размышлял вслух Иван, посасывая кусок хребта сушеной рыбки. В комнате повисла пауза.

– Раскрывать это дело, теперь предстоит, Иван Васильевич, тебе! Я не думаю, что кто—нибудь из столичных гостей, задержится здесь надолго. Уж больно наш район не изобилует увеселительными заведениями. Да и взять здесь, кроме молока да картофеля им нечего. Я не думаю, что москвичам в кайф по нашему району шаркаться, – сказал капитан Петроченко.

– Ну, Михалыч, ты голова! Может, после работы зайдем в кулинарию!? Может, по соточке опрокинем, за твой интеллектуальный разум? – сказал Селезнев, допивая пиво. – Что-то мне как—то тоскливо на душе. Жалко мне Афанасьева.

– Я Ваня, мзду не беру, мне за державу обидно! Нет, мне бутылочки пива на сегодня хватит, а водку пить надо в выходной, и под хорошую закуску. Будет, что новое, то я обязательно тебе расскажу. Тогда милости просим с бутылочкой снова мою келью, – сказал эксперт, посасывая хвостик сушеного леща.

– Дурак ты, Михалыч! Я к тебе с душой, как к своему парню, а ты все думаешь, против тебя интриги плетут. Да я между прочим, тебя по дружбе хотел угостить! Ты меня можно сказать, на месяц вперед в этом деле продвинул. Должен же я тебя отблагодарить.

– Не суетись, Ваня. Будет вечер – будет пища! А теперь пора. Все давай, шевели караваями, – сказал Петроченков.

Иван несколько секунд постоял в коридоре в раздумьях, и на волне впечатлений двинулся мимо дежурного, так и не сообщив о месте убийства. – «Кому надо, тот на мобилу звякнет», – подумал он, и выскочил из отдела, чувствуя, что нужно добавить голове лишний градус.

Люська вновь, увидев Селезнева в кулинарии, расплылась в улыбке. Желание флиртовать, еще не пропало.

– Что решили, Иван Васильевич?

– Не терзай мне душу. Сто пятьдесят «рябины на коньяке» и закусить пару виноградин – сказал Селезнев.

После того, что он узнал от Петроченкова, все мысли его были с покойным Александром Афанасьевым. Иван старался в своей голове проиграть версию с «Тигром» и вроде бы эта версия была, по его мнению, правильной, но не единственной. Раскрыв преступление, как ему сейчас казалось, он открывал себе путь не только к майорским погоням, и счастливой и обеспеченной пенсии. Внутри него прямо затрепыхалось сердечко от предчувствия удачи. Сто грамм алкоголя могли успокоить его нервный зуд, чтобы придать телу маломальскую работоспособность.

Люська, повинувшись пожеланию, налила в пластиковый стакан «рябины на коньяке», и, вытащив веточку винограда, подала покупку Селезневу прямо к столу.

– У тебя что, Ваня, какие неприятности? – спросила она, стараясь влезть в душу.

– С чего это ты взяла? – спросил, улыбаясь, Иван. Он взял стакан, и одним глотком проглотил содержимое.

– Да на вас, Иван Васильевич, лица нет! Еще с утра вы были малость краше, а сейчас будто жабу земляную проглотили. Что начальство вас так гнобит? А может в личной жизни какие катаклизмы? – спросила Людмила, заигрывающе улыбаясь.

Иван, отломив пальцами пару ягод винограда, закусил, и, поглядывая на аппетитный бюст, сказал:

– Ты Люся, баба хорошая! Формы при тебе, приятные моему глазу. Вот только никак не понимаешь, что работа в полиции, это тебе не хухры-мухры! Это ого—го какая -ответственность!

– Ого-го говоришь? И убийцу Афанасьева найдете, или опять дело в архив отправите?

– Он мне Люся, другом был. Я с ним по лесам и болотам ездил. То, что делал Александр Петрович, достойно уважения. Я буду не я, если я не найду эту падлу! – сказал Иван, и крепко сжал в руке пластиковый стакан.

Люська, растрогавшись воспоминаниями, вытатила из кармана платок, и вытерла накалившую на глаза слезу.

– Я вам, Иван Васильевич, верю. Вы обязательно убийцу найдете. Найдите его! Я ведь хорошо Петровича знала. Он же какой мужик хороший был! За всю жизнь мухи не обидел, – сказала Люська, и вновь достав платок, вытерла повлажневший нос.

– Чую, Люся, на днях москвичи к нам пожалуют. Век бы их не видеть. Будь наготове. Леонтьевне скажи, чтобы дежурные порции стояли в холодильнике. Да и сама нафуфырься, может, жених какой залетный приедет. Смотришь, влюбится в такую красоту неземную.

Люська обнадёжив душу теплым словом Селезнева, заулыбалась. Она аккуратно сложила носовой платочек, и спрятав его в рукав, спросила:

– А что Иван Васильевич, им у нас делать?

– Да, так. Дела, – ответил Селезнев.

Люська встала из—за стола, и, крутнув задом, отправилась за стойку.

– Ну не хочешь говорить – не говори. Я все равно узнаю.

– Ну, как тебе угодно будет, – ответил Селезнев. Он, достав сигарету, закурил. Сам себе, улыбаясь, вышел из кулинарии и глубоко вдохнул свежего воздуха. Настроение, не смотря на скопившиеся проблемы, пришло в норму. Обаяние Людки, да «рябина на коньяке», сделали свое дело, и ему стало настолько хорошо, что даже захотелось поработать. С таким приподнявшимся настроением можно было заняться делами допросом свидетелей, по делу которых Иван вызвал на одиннадцать часов.

Селезнев был из тех оперов, которые всей своей сущностью стоят горой за человеческую справедливость и торжество закона. Службу в органах, после торгового флота, он начал еще в чине сержанта. Все эти годы Селезнев, заочно постигал таинство криминальной науки и за годы учебы на юриста, получил диплом о заочном высшем образовании и сразу был произведен в старшие лейтенанты.

– Иван Васильевич! Вы это куда – вы что пьяный!?! – проорала Люська, выскочив следом за опером.– Папочку то свою забыли!

От этих слов продавщицы на Селезнева обрушился, словно ушат холодной воды. Он остановился. Подумал, и развернувшись в обратном направлении, подошел к ней.

– От тебя, моя красотулька, у меня кругом голова пошла, – сказал он, приблизив свои свернутые в трубочку губы к Люськиной щеке.

– Я уже готова, – сказала она тихо, и глубоко вдохнув, выкатила наружу свой роскошный бюст.

Иван взял из её рук папку, и, закатав назад губы, сказал:

– Спасибо.

Наверное, как любовница, Люська – была бабой идеальной. Белокурые волосы, роскошный бюст и красивые ноги, могли быть достойной наградой любому мужику за дорогие подарки. Но её непонятная приторность и слащавость, убивали в ней женщину для совместной жизни. Она не понимала своих ошибок и повторяла их вновь и вновь. По этой причине она разводилась третий раз, и, наверное, это были не последние её походы замуж. Представив Людку в качестве жены, Иван на третий день совместной жизни, вполне бы созрел, для того, чтобы застрелиться из табельного оружия.

– Это все? – проорала она вслед Селезневу.

– А ты, что хочешь, премию или бронзовый бюст на Родине героя?

– Вас хочу, Иван Васильевич, – ответила она тихо, и исчезла за дверями кулинарии.

– Ну, как—нибудь, – ответил Селезнев.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МОСКВИЧ

Как предсказывал патрон, похороны «Петровича» действительно вызвали существенный резонанс. Съехались все председатели поисковых клубов страны. Как подобает отставному офицеру, впереди гроба, несли подушечки с орденом и медалями, которые он честно заслужил, в Афганистане. Было много военных из районного и областного военкомата. По решению местной администрации, за его заслуги перед народом, тело Александра Петровича решено было прижать к земле на городском кладбище, рядом с воинским захоронением. Благодаря его усилиям, сотни воинов, нашли там свой покой. Как и подобает на похоронах офицера, гроб с телом покойного под звук залпа караула, было предано земле. Люди говорили теплые слова в его адрес.

Селезнев в скорбном молчании стоял среди провожающих, ежась от холода. Он внимательно всматривался в лица гостей, и думал о превратностях судьбы.

– Ну, что Иван Васильевич, замерз, – спросил подкравшийся капитан Петроченков.

– Да, что—то сегодня холодно.

– Что ни говори, а мне мужика жалко. Глянь, сколько народа собралось. Почти полгорода.

– Жалко, – сказал Иван с дрожью в голосе. Он склонился и положил на свежий холмик две кроваво—красные гвоздики.

После похорон в здании администрации города, собралось совещание руководителей силовых ведомств района. Глава администрации, почтив память поисковика минутой молчания, незамедлительно перешел к делу:

– Уважаемые господа, товарищи полицейские и гости! Убийство в нашем городе, столь значительной фигуры, обязывает нас разыскать убийцу и наказать его в соответствии с тяжестью преступления. Какие будут у вас по этому поводу предложения, Михаил Михайлович? Может вы, нам расскажите, что сделано за эти дни, – обратился он, к начальнику местного отдела.

Подполковник Якимов встал и, опираясь на папку в дерматиновом переплете, начал доклад:

– На сегодняшний день, известно одно: бывший майор Афанасьев погиб от огнестрельного ранения в голову, с расстояния не более полуметра. В его крови обнаружено незначительное количество алкоголя. Это дает нам право предполагать, что убийца и жертва, были знакомы, раз совместно распивали спиртные напитки. Оружие преступника криминалисты нашей области идентифицировали. Этим оружием является пистолет Бельгийского производства «Хайпауэр». На месте преступления обнаружена гильза и пуля. На них также имеются следы от деталей пистолета данной марки. По данным УВД области, нам стало известно, что точно такая же гильза обнаружена при осмотре места убийства, президента ассоциации поисковых клубов и московского поискового объединения «Вечный огонь» Солдатов Сергея Николаевича. Данные по оружию и боеприпасам полностью совпадают. Нами установлено, что Афанасьев, совместно с Солдатовым, работал с архивами города Подольска. Это обычная практика поисковых команд, которые таким образом разыскивают информацию, ориентируясь на боевые донесения. Они связаны с ним не только единым делом, но и давней дружбой. Вместе они служили в свое время в Афганистане в одном полку. Месяц назад Афанасьев гостил у Солдатова в Москве. Он вполне мог быть свидетелем, какого-нибудь преступления!? Или же проблем с последними находками, по которым ведется судебное разбирательство. На сегодняшний день мы обрабатываем только одну версию, это версия заказного убийства! В связи с тем,

что это преступление вышло за рамки нашего района, и пересекается с убийством в Москве, нам в помощь, придан следователь по особо важным делам московской прокуратуры Сергей Тимофеевич Тимофеев, – сказал подполковник.

Следователь прокуратуры поднялся, и обозначил свое присутствие на совещании.

На вид это был человек довольно неприметный, среднего роста. Его чуть прищуренные глаза, вполне соответствовали его имиджу следователя СК. С первого взгляда создавалось такое ощущение, что он способен глазами просверлить не только подозреваемого в преступлении, но и бетонную стенку.

После непродолжительной паузы, начальник РОВД продолжил.

– В нашем районе по данному делу следствие возглавляет следователь прокуратуры, и оперуполномоченный уголовного розыска Селезнев Иван Васильевич. Он по службе лично знал Афанасьева. Неоднократно Селезнев курировал его поисковую команду. Вы, сами понимаете товарищи, что все поисковые работы связаны с обнаружением не только пригодного оружия, но и взрывчатых веществ, которые могут быть применимы террористами для совершения террористических актов.

Закончив доклад, начальник РОВД присел и положил папку на стол.

Скрестив на столе руки, Васильев нервно начал крутить карандаш. Было видно, что каждое слово Якимова его раздражает. Окинув глазом собравшийся народ, он остановил взгляд на Селезнев и тут же обратился к нему:

– Иван Васильевич, что вы скажете. У вас есть у вас какие дополнения или может свои личные соображения, или хотя бы рабочие версии? Нам интересно послушать? Может быть вы, уже вышли на финишную прямую? Может, определили хотя бы мотив преступления!?

Селезнев встал из—за стола. Почесав свою проявившуюся лысину, он сказал:

– Как вам сказал Начальник РОВД, подполковник Якимов, версия на сегодняшний день одна, это убийство. Озвучивать конкретные факты и найденные нами улики на данный момент считаю не целесообразным.

Все присутствующие недовольно зашевелились.

– Следствие, товарищи, только началось, и предвосхищать раскрытие это обречь себя на очередного «глухаря», – сказал раздраженно Иван.

– Про «глухаря» Иван Васильевич, забудьте. Иначе вам придется уйти на пенсию в звании капитана, сказал с места начальник РОВД – Нужно найти преступника и желательно заказчика.

– Ага, как в кинe, – сказал Селезнев, и покорно закрыв папку, присел. Больше он не проронил ни слова. В эту минуту Селезневу не хотелось ни говорить, ни озвучивать версии. Был неизвестен мотив преступления и кто, и какие силы стоят за этим. Совещание закончилась, и народ, поднявшись с мест, направился на выход из кабинета главы района. Иван спустился в раздевалку. Московский следователь, надевая пальто, увидел Селезнева и окликнул его.

– Иван Васильевич, пожалуйста, притормозите, пожалуйста. Хочу, поближе с вами познакомится. У меня к вам по нашему общему делу есть несколько вопросов, – сказал Тимофеев.

Селезнев кивнул головой, надел куртку, и отошел в сторону. Он, достав сигарету, стал аккуратно её разминать в ожидании, когда столичный гость облачит свое тело. В голове крутилась мысль. Иван старался предугадать разговор с «Пинкертоном». Иван чувствовал, что ревность к делу Афанасьева блокирует его желания к сотрудничеству. Ему сейчас, как никогда необходимо было самому набрать недостающие в послужном списке очки. Впереди не только маячила пенсия, но и память о покойном. Сейчас от его смекалки и опыта зависело раскрытие этого преступления, но и звание майора. Криминальные дела за двадцать лет службы надоели Ивану, как горькая редька. Он физически устал. Последнее время Селезнев только и мечтал, чтобы скорее уйти на заслуженный отдых и погрузиться с головой в рыбалку.

Сергей Тимофеевич надел пальто и, подхватив папку подмышку, подошел к Селезневу.

– Хочу познакомиться поближе, Иван Васильевич! Я уже представлялся. Я следователь из Московской прокуратуры северо—восточного округа. Коль нам вместе работать, я бы хотел поговорить, определить точки соприкосновения. А еще я хотел бы пообедать, – сказал Тимофеев, пропуская Селезнева – Я с самого утра ничего не ел. Пришлось шесть часов за рулем провести, чтобы успеть на похороны.

Селезнев мгновенно вспомнил про кулинарию. Она была совсем рядом, да и отдельный кабинет со столиком предоставлял возможность смело общаться, не опасаясь лишних ушей.

– Тут рядом, Василий Тимофеевич, у нас есть «Кулинария». Там можно перекусить. Там есть отдельный кабинет для VIP персон.

– «Кулинария» говоришь? Ни разу не питался в «кулинарии» да еще в кабинете для VIP персон. Давайте, Иван Васильевич, ведите в эту самую «кулинарию». Уж больно проголодался я.

Иван прикурил, и, сутулясь, направился в сторону ресторана. Там на первом этаже располагалось помещение местной «Кулинарии». Здесь продавали все то, что готовил ресторан во время будних дней. Булки, плюшки, пирожки, салаты, всевозможные полуфабрикаты да обеды и завтраки. Все это приносили ресторану дополнительную выручку.

– Я, Иван Васильевич, ради того, чтобы попасть на эти похороны, пятьсот верст на одном дыхании отбарабанил. Сам знаешь, что на этих мероприятиях можно не только познакомиться с родственниками покойного, но и встретить настоящего убийцу. Я незаметно сфотографировал почти всех, кто там был. Вы, не возражаете, если мы это посмотрим на вашем компьютере? – спросил следователь, удивив Ивана словом компьютер. Такая штука в отделе присутствовала, но только для вида и для проверяющих, из областного управления МВД. Опера пользоваться им не умели, а просто играли во всякого рода стрелялки да догонялки, которые выпадали в минуты мимолетного отдыха.

– На чем!?! – удивленно спросил Иван, затормозив – На каком это компьютере?

– Ну, на этом – на компьютере! – повторил Тимофеев, удивляясь удивлению Селезнева.

– Наш компьютер, Василий Тимофеевич, это калькулятор во время полочки. А на нем ваши цифровые фотографии не увидишь, – сказал Иван, давая понять, что в районе слово компьютер, ассоциируется с огромным богатством, достатком и недюжинным умом.

– Ну, в этом нет ничего страшного. Я покажу тогда в автономном режиме, – сказал Тимофеев, давая понять Ивану, что для настоящего следователя московской прокуратуры нет ничего невозможного.

Селезнев глубоко затянулся табачным дымом. Он задумался, словно что—то вспоминал. Вернувшись в реальный мир, он вновь двинул в сторону «Кулинарии». Отворив двери, Иван взглядом словно метнул молнию в сторону Люськи. Людку в тот миг, словно ударили током. Следователь из Москвы, в кашемировом пальто вошел следом за Иваном. Продавщица обомлела. Это был настоящий ядерный москвич, как на картинке журнала мод. Она, словно застыла возле кассы, открыв рот от удивления.

– Форточку Люся, захлопни, а то кишки простудишь, – сказал Иван, – отвори нам кабинет. Гость из Москвы желает отведать местную кухню, – сказал с суровым видом Селезнев, натягивая следом за собой «свинцовые тучи».

– О, о, открыто там, – заикаясь, сказала Людка.

Минуту спустя оцепенение отпустило её. Она тут же скинула не совсем свежий фартук с замытыми пятнами майонеза и кетчупа и, в одно мгновение, переделалась в белоснежно новый. Взглянув в зеркало, она подкрасила губы, и, схватив меню, просеменила за представителями органов.

– Что, господа, изволите!?! – спросила она, прикидываясь растерянной и ошеломленной.

Продавщица положила папку меню на столик и, открыв шкаф официантки, достала свежую скатерть. Ловким движением рук, она накрыла столик и принялась сервировать его, поглядывая искоса на Тимофеева.

– Да ты, Люд, так не суетись, будто мы женихи. Это всего лишь следователь московской прокуратуры, – сказал Иван, разглядывая приятных форм выпуклые ягодицы продавщицы, которыми она умело управляла.

– А мы, Иван Васильевич, любому гостю рады, – взволновано сказала Люська. Краем глаза она заметила взгляд Селезнева. Ей показалось что Иван, прямо сквозь трикотажное платье «трогает» её пухленькие булочки ягодиц.

Заботливо раскрыв перед Тимофеевым меню, она сказала:

– Фуагры у нас естественно нет, мы её не понимаем, а вот, гусяная печень с белыми грибами у нас есть.

Москвич взглянул на нее, улыбнулся, и, закрыв папку, вкрадчиво сказал:

– Из ваших ручек мадам, мы с Иваном Васильевичем готовы съесть даже жареную змею. Полностью полагаемся на ваш профессиональный вкус.

Люська взволновано вздохнула, и, прижав меню к своей груди, скрылась за дверями.

– Чего это она, Иван Васильевич? – спросил Тимофеев.

– Ну, так замуж, наверное, хочет, – спокойно ответил Иван. Он, достав сигареты, положил их на стол. – Баба она одинокая. Ей уже двадцать девять, замужем была три раза. Все принцев ищет, а не понимает, что проблема в ней самой.

– Я, Васильевич, женат. Мне нельзя. У меня и сын есть. Пацану четырнадцать лет исполнилось. Паспорт недавно получил.

– А у меня, Тимофеевич, дочка, в институт поступила. Педагогом будет.

Через какое—то мгновение, в кабинет с подносом в руках влетела Люська. Хлопая ресницами, она не сводя глаз с гостя, поставила на стол тарелки с рассольником и графинчик с водкой.

– А вот это не надо, – сказал сурово москвич, указывая на графин.

– Иди, Люд, неси остальное. Товарищ просто пошутил, – сказал Иван, перехватывая графин, на лету, который она хотела унести назад.

Иван, молча, открыл графинчик и налил в рюмки водку. Все это время Тимофеев заворожено смотрел на него, ничего не понимая.

– Василий Тимофеевич, не стесняйтесь. Пьем за знакомство и взаимовыгодное партнерство в деле убиенных отставного майора Афанасьева, и господина Солдатов.

– Я, Иван Васильевич, на службе не пью. Да к тому же я за рулем, – ответил москвич.

– Знаете, Василий Тимофеевич, я не предлагаю напиваться. Я хотел предложить вам, для начала перейти на – ты. Ну, не могу я работать в команде, и выкать – не могу! Мы люди деревенские делаем все по простому, без заморочек. Давайте Василий Тимофеевич, выпьем на брудершафт, и будем обедать.

Тимофеев улыбнулся. Такой ход событий, ему явно был по душе, да к тому же встретить в таком городке сотрудника ГИБДД с алкометром было настоящее чудо. Приподняв рюмку, он сказал:

– Я, Васильевич, не коренной москвич. Я родился в Тульской области и начинал свою карьеру в районной прокуратуре. Я не сноб и готов поддержать твое, Вань, стремление к более тесным отношениям.

– Ну, вот и прекрасно! А то я не пью. На халяву Тимофеевич, пьют все даже трезвенники и язвенники, – сказал Иван. Чокнувшись с Тимофеевым, одним глотком выпил водку и занюхал кусочком хлеба.

– Ну, ты.

– Я, Тимофеевич, простой русский мужик. Я не люблю это – пресмыкаться, поэтому и хожу в капитанах. Мне через два года на пенсию, а я еще капитан.

– Раскроем дело, я, Васильевич, напишу представление на поощрение. Вот и получишь майора.

– Его, Тимофеевич, еще надо раскрыть. А у нас, кроме двух гильз и двух жмуров, ничего нет.

– Васильевич, мне подполковник Якимов говорили, что ты знал Афанасьева довольно хорошо? Что он был за мужик такой? Может у него были, какие там заморочки с криминалом, может, был должен кому, или кто—то ему!? – спросил Тимофеев, хлебая рассольник.

– Нормальный он был – наш мужик офицер, Афган прошел! Потом ушел из армии по ранению, работал в училище военруком. Там же организовал поисковый клуб «Долг». Со своими ребятами ездил по всем слетам и «вахтам памяти». Тысячи солдат разыскал по лесам. Сотни родственников узнали, где похоронены их отцы, мужья, деды. Даже есть один генерал, чьего отца, он нашел лично. Памятник поставили, останки по-людски захоронили. Нужно дело делал отставник. Честно скажу, мне очень жалко его, – сказал Селезнев, с чувством сожаления – Хорошо, что хоть смерть была легкая.

– А он, Ваня, часом трофейным оружием не приторговывал? Может быть, стоит его связи с «черными следопытами» отработать? – спросил следователь СК, продолжая жевать – Ведь его же, пристрелили тоже из трофейного пистолета. Да и патроны, судя по маркировке на гильзе, были времен войны. Все тут с трофеями связано, все вокруг них и крутится. Вот это, наверное, и будет основная версия следствия. Эти черные следопыты, кого хочешь, завалят, если им стараются перекрыть бизнес. Одним словом – фанаты! Я в Москве встречал таких – звери, а не люди!

– Я вот, что думаю, Тимофеевич, раз первый выстрел прозвучал в Москве, значит и корни находятся там! А здесь!?! Здесь всего лишь эхо прокатилось! В нашем городе вряд ли кому нужно было его убирать. Мужик он был тихий, в конфликты не с кем не вступал. Правда, к нему постоянно на постой приезжали поисковики. Они тут у нас каждое лето по лесам ковыряются. Бои у нас во время войны были довольно жестокие. Столько здесь полегло людей, одному богу известно. Прошлый год, когда в наш РОВД вели новую теплотрассу, то нашли столько оружия, что можно батальон целый вооружить. Минометы, винтовки, автоматы, пулеметы столько было металлолома – мама не горюй! – сказал Иван, вращая в руке пустую рюмку.

– И что все оружие в рабочем виде?

– Да ну, брось. Гнилье! С войны в земле лежало.

– Я тебе вот, что, Иван, скажу, сейчас в Москве, рынок военных трофеев очень популярен. Люди на этом деле миллионы долларов отмывают. Продается все, начиная от пуговицы от немецких кальсон, до крупнокалиберных пулеметов. Оружие, правда, реставрируют, «выхолащивают», чтобы с уголовным кодексом не иметь дел. А так – медали, ордена, знаки различия, эмблемы – все идет в ход. Все, словно спятили на этой нацистской атрибутике. Совсем забыли, суки, что эта война принесла нашему народу. Теперь стараются хоть какую—то выгоду получить с этих немецких железяк.

Селезнев взял графинчик, и разлив остатки водки, спокойно ответил:

– Я знаю, Тимофеевич, про этот черный рынок. По нашим лесам и работают эти черные землекопы, словно на экскаваторах. Все места боев изрыли. Давай лучше повторим, а потом продолжим.

Окончив трапезу, Селезнев подошел к прилавку и рассчитался за обед.

– Ну, как вам наша еда, – спросила Люська, сгорая от нетерпения – Вкусно было или нет!?

– Все было вкусно, – ответил Иван. – Леонтьевне передавай от меня благодарность и уважение.

– Ну, так.

– А ты, Люсьена, просто молодец, прямо таки вся из себя. Ух, прямо кровь с молоком, – сказал Селезнев.– Знаешь свое дело Туго.

Продавщица, а по совместительству официантка, расплылась в улыбке. Она была счастлива, что угодила не только московскому гостю, но и самому Ивану Селезневу. Угодила, ради этой скупой мужской похвалы и ради простого теплого слова – «спасибо, все было очень вкусно».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАЦЕПКА

– Тимофеевич, а ты, что в гостинице нашей остановился, или, где на квартире? В гостинице холодина, бр—бр, как на улице! Коммунальщики два года назад, отрезали её от отопления за неуплату. Так они там свою кочегарку пристроили.

– Я, Вань, пока еще нигде не остановился. Я, как приехал, так сразу на кладбище, а там к вашему голове на совещание попал. Время еще есть, так я попробую, что-нибудь подыскать подходящее, – сказал Тимофеев, рассчитывая на теплый и сытный ночлег.

– Давай Тимофеевич, ко мне! Я сегодня баньку истоплю, попаришься, кости свои столичные прогреешь, да и мозги освежишь. После бани пивка выпьем с лещом, вот там и покумекаем, и наметим точки нашего соприкосновения. Нам же теперь по одному делу придется работать, – сказал Иван.

– Ладно, ты меня, Васильевич, уговорил. Поглядев на часы, Тимофеевич, продолжил разговор: – Вот, до конца рабочего дня, осталось чуть больше часа. Давай-ка мы с тобой прокатимся домой к убиенному. Мне хотелось бы на месте, ознакомиться с обстановкой, да сориентироваться, что почем. Может вы, что пропустили ценное? – сказал Тимофеев, сомневаясь в профессионализме местных сыскарей.

Машина Тимофеева стояла во дворе администрации района. Это был черный БМВ пятой серии. Вся внутренняя обшивка машины была выполнена из чистой кожи, высочайшего качества. Селезнев, неуверенно влез в машину и присел на край роскошного сидения, словно боялся что—то испортить или испачкать.

– У тебя, Тимофеевич, тачка видно не с отечественного конвейера сошла? – Спросил Иван с издёвкой, боясь даже прислониться к спинке сиденья.

– Да, машина хорошая, адаптированная под наши дороги. Движок так почти две сотни «кобыл» с турбо наддувом. Еще плюс да инжектор. Приёмистость, как у реактивного самолета, чуть придавил, и ты уже в воздухе. Устойчивость, как у настоящего танка. Я люблю эту модель. Её в авиационном концерне в трубе продували. Да и безопасность, не хуже чем у «Вольво», – обыденно сказал Тимофеев, прогревая двигатель.

Селезнев с чувством легкой зависти крякнул в кулак, и, сказал:

– Дорогая видно тачка—то? Небось, тысяч сорок стоит?

– Да ты прав сорок четыре тысячи зеленых отдал! – Ответил Тимофеев хвастаясь.

В голове Селезнева, вдруг замелькали цифры, подобно тому, как они мелькают в калькуляторе. Он умножал, делил, прибавлял, пока не выскочила окончательное число. После того как все арифметические действия были закончены, он с удивлением констатировал:

– Это, что братец получается, на наши деньги больше миллиона!?

– Ну, братец не больше миллиона, а миллион триста, – спокойно сказал Тимофеев, будто бы это была не машина за тридцать тысяч долларов, а простая бытовая кофемолка.

Иван, снова включил калькулятор, перемножая должностной оклад, пайковые, премиальные боевые за Чечню, еще раз помножив это все на годы своей работы. И через определенное время своего умного молчания он выдал вердикт:

– Тимофеевич! Мне, чтобы такую машину купить, нужно пятнадцать лет не кушать, водки не пить, по девкам не ходить. А все это время откладывать, откладывать и откладывать! Я удивляюсь, откуда у вас москвичей, такие деньги!? Вы, наверно все там поголовно взяточники и коррупционеры? Ты тоже, наверное, берешь, как полагается? Говорят, вам даже Лужков дал добро и сетку тарифную открыл на взятки?

Тимофеев выслушав Ивана, засмеялся, и шуткой ответил на его шутливый вопрос:

– Ты мне, Селезнев, скажи, где эта тарифная сетка лежит? Я её приколю на двери своего кабинета, чтобы народ знал, что по чем! Ты Вань, сейчас абсолютно не прав. Ты думаешь в столице все «оборотни» что ли? Скажи, а я имею права продать квартиру своей покойной бабушки в центре Москвы? Могу я получить за неё 300 тысяч долларов? Могу я, хоть раз в жизни, позволить себе купить такую хорошую тачку, чтобы потом в старости в качалке и возле камина вспоминать эти счастливые дни? – с негодованием говорил Тимофеев.

– У нас Тимофеевич, самая дорогая хата в городе, от силы стоит десять—пятнадцать тысяч долларов – сказал Иван, закуривая. – Немец во время войны стер город с лица земли. Семьдесят лет прошло, а восстановить пока в прежнем виде не можем.

– А я, наверное, в твоём городке себе домик-то и куплю на лето! Хорошую можно сделать дачу. Да и городок, ваш мне очень понравился. Уютный такой, ухоженный и тихий! Похожий на западный. Видать его всякие иностранцы строили?

– Ага, евреи! У нас их тут было больше чем в самом Биробиджане! Поляки, литовцы всякие, тоже приложили свои руки к его возведению. Только потом пришел немец и все сравнял с землей. А на месте руин, наш русский Иван, возводил свои хоромы из бревен немецких землянок. Ты если хочешь, то покупай себе дом. Тут продается столько – мама не горюй!

За разговорами, незаметно подъехали к дому. Остановив машину, вылезли на улицу. На калитке и дверях хаты были наклеены бумажные полоски с синими печатями прокуратуры. Иван, открыв дом, вошел. Следом за ним Московский гость. Иван вновь очутился в хоромах убитого Афанасьева, стараясь вспомнить подробности прежних посещений. При жизни хозяйина ему доводилось много раз бывать в этом доме. В памяти Селезнева невольно всплыли некоторые детали, которые он первоначально упустил из вида, по причине душевного шока. Сев на стул, Иван долго и пристально вгляделся в лежащие на полу разбросанные вещи. Вдруг, его осенило. В доме покойного Афанасьева, не хватало его архива. Все документы, фотографии раньше лежали на полке мебелированной стенки в большой старинной папке со шнурками. Отсутствие её сразу насторожило. В этих папках, Петрович хранил все сведения по розыску. Фотографии, карты и выписки из боевых донесений. Много было материалов, посвященных немецкой оккупации. Всевозможные материалы, связанные с деятельностью немецких карательных команд

– Слушай, Тимофеевич, а знаешь, я что—то не наблюдаю в этом доме архива Афанасьева. Раньше я не один раз был у него в гостях. Покойный любил хвастаться добытыми материалами. У него было много фотографий нашего города, снятых с немецких разведывательных самолетов. Кроме этого, была часть немецкого архива, который фрицы потеряли при отступлении. Черт побери, из дома исчезли документы, – сказал Иван, открывая все подряд шкафы и ящики – Возможно, что это и стало поводом для его убийства.

– Возможно, Васильевич, это еще одна версия, ведь у моего покойного клиента Солдатова, из дома тоже пропали документы. Я ведь тебе говорил, что на данный момент, это один из доходных бизнесов после наркоты, оружия и проституции.

– Тимофеевич, я, конечно, понимаю, что этот бизнес стоит немалых денег, но зачем из—за этого убивать людей? – спросил Селезнев, вдаваясь в философские размышления.

– Вань, а вот ты сам посуди, немецкий «Тигр», стоит миллион долларов. Самолет в хорошем состоянии от двухсот до пятисот тысяч. А вот простой жетон летчика может стоить столько, сколько ни ты, ни я ни весь ваш РОВД за всю жизнь не заработает. Летчики «Люфтвафе», страховали в швейцарских страховых компаниях. За шестьдесят лет на страховых счетах накопились огромные проценты. Теперь жетон с личным номером любого летчика, стоит не менее миллиона долларов. А теперь представь, найти в болоте, экипаж бомбардировщика? Это два пилота, стрелок радист, штурман и все, по миллиону баксов. Теперь, Ваня, тебе понятен состав преступления? Даже если родственники этих фашистов возьмут половину

денег, то, я думаю, тебе около двух миллионов было бы солидным прибавком к пенсии. Это такой вот бизнес, от которого еще долго будет литься кровь. Сам посуди, Гитлера уже нет семьдесят лет, а его бомбы мины и патроны, до сих пор уносят сотни людей. Его шестерки, во время войны, пёрли из России, миллионы рублей золотом, картинами, бриллиантами. И янтарную комнату тоже они суки вывезли? Ведь её никто не нашел, да и вряд ли когда-нибудь найдут. На данный момент её оценочная стоимость равна пятидесяти миллионам долларов. Теперь ты понимаешь, сколько лет сто будет продолжаться эта вакханалия, и еще лет сто будут погибать люди, – сказал Тимофеев, продолжая мысль Селезнева.

– Знаешь Тимофеевич, я знал, что мы дремучие провинциалы, но чтобы на столько! У — у— у!!! Я просто не представляю! Да у нас в шестидесятых годах, немецкие каски детям вместо горшков давали. На каждом столбе, любого забора они висели, чтобы столбы от дождя не гнили. А теперь, что получается, что все это дерьмо стоит огромных денег?

– Сейчас немецкая каска, стоит на базаре, от двухсот рублей до полутора тысяч. Вот это бизнес! – сказал москвич, рассматривая своим профессиональным взглядом холодный и пустой дом.

– Да, Тимофеевич, теперь я понимаю, что за такие деньги и привалили майора!? Я вот что надумал – закуривая, сказал Селезнев, – ты там проверь по архивам, какими материалами последний раз пользовался покойный? В каждом архиве сохраняются данные на интересы абонента. Лет пять назад он, так же ковыряясь в бумажках и с точностью до метра, вычислил, где наш генерал попал под немецкий обстрел. Из боевых донесений, его парни установили то место, и нашли ржавые части от машины. А рядом, откопали останки генерала, и всей его свиты. Вот тебе и следопыт!!! А таких случаев было довольно много, – сказал Селезнев, делая акцент на увлечения покойного.

Тимофеев встал с табурета, и, подойдя к выключателю, включил свет.

– Темно, что—то стало. Ты, Васильевич, допросил родственников? Может жена, дети, что знают? Опроси соседей, может они кого видели, что—то слышали!? – сказал Тимофеев.

– Ладно, Тимофеевич, я вчера занимался этим вопросом. Поехали домой, баню протопим, тебя на постой определю. Вот дома и пообщаемся, воскресим в памяти нарытую информации. Знаешь, иногда после баньки, да под пивко, хорошие мысли приходят, – сказал Селезнев, зная, что хорошая баня раскрывает всю человеческую сущность.

Селезнев вышел, пропустив вперед столичного гостя. Закрыв хату на замок, он проследовал за Тимофеевым в машину. Селезнев молчал. После того, как москвич поведал ему о деньгах, вращающихся в сфере трофейного бизнеса, Иван потерял покой. Он погрузился в глубокое раздумье и старался осмыслить информацию.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БАНЯ

К десяти часам вечера, баня была готова. Вода, словно в долине гейзеров бурлила в котле, поднимая огромные пузыри. Каменка прямо светилась от раскаленных камней.

– Эх, как хорошо—то как, до костей прожигает, – сказал Иван, и плеснул в каменку немного воды. Пар выстрелом вырвался из дверки, мгновенно наполняя помещение нестерпимым жаром.

– Ваня, только без фанатизма. Мы москвичи народ нежный и не приемлем таких температурно—физических экзерсисов.

– Не ссать, сказал Суворов.

Селезнев стал хлестать себя березовым веником с каким—то неистовством. Москвич опустил на нижний полоч и старался не дышать, смотрел с восхищением на своего нового знакомого.

– Что Василий, непривычно? Влезай на полоч, я тебя веничком отхожу по ягодицам, чтобы из тебя вся хрень столичная вышла! Все шлаки кремлевские с потом выйдут!

Через несколько секунд тело москвича стало красным, как у вареного рака. Выскочив в предбанник, Иван открыл дверь на улицу. Он, словно дельфин, нырнул в глубокий снег, наслаждаясь температурным контрастом. Следом за ним вылетел столичный гость и завалился рядом с Иваном. От такого удовольствия, он, словно волк, стал выть, обтирая себя снегом. От разгоряченных жаром тел, на холоде, шел пар, словно кто—то сунул в снег раскаленную докрасна кочергу. Повалявшись на этой обжигающей холодом перине, мужики с криками вновь вскочили в раскаленную баню. Слегка подмерзнув на морозе, они еще с большим остервенением стали хлестать друг друга, вкладывая в удар, довольно приличные силы, пока пребывание в парилке стало невыносимым. От таких температурных перегрузок, казалось, сердце просто выскочит из груди. По окончании процесса помыва, мужики, словно римские патриции, обернувшись в белые простыни, развалились на лавках просторного предбанника.

– Я такую баню хочу, – проговорил Тимофеев, – это же настоящая блажь!

– Это настоящий кайф – ответил Иван и приоткрыв двери втянул в предбанник сумку с пивом, которое стояло на улице.

Иван, на правах хозяина, налил по кружке пива и по сто грамм холодной водочки.

– Ну, вот так, Тимофеевич, принимают гостей на Руси. Как состояние!/? Ты доволен? – спросил пышущий жаром Селезнев.

– Это, Ваня, просто фантастика! Я такого кайфа никогда раньше не испытывал! Я зарячился на десяток лет и омолодился, словно тот Иван дурак, из сказки «Конек Горбунок». Я вот, что думаю, меня жена не узнает, придется, куда на дискотеку идти, чтобы найти себе молодую душку лет двадцати.

– Давай, Тимофеевич, за твоё здоровье!!! – Селезнев поднял рюмку с водкой и, чокнувшись с Тимофеевым, опрокинул содержимое в рот. Маленьким глоточком он запил водку пивом, чтобы не застудить горло и крякнул от удовольствия. Краем белой простыни Иван вытер образовавшиеся от пены белые усы. Москвич, с улыбкой глянул на Селезнева и только сейчас проникся к нему всем сердцем, впустив его в свою душу.

– Я вот, что хочу сказать тебе, Ваня. Вы провинциалы, люди очень счастливые! Я в столице, даже в самом крутом оздоровительном центре, такого удовольствия не смогу получить. А бабки заплатишь такие, как ты говоришь – мама не горюй! А у тебя природа, березовые веники, пар так пар, а у нас – что? Ванна да душ с горячей водой. Ну, к примеру – я задницу

помою, а удовольствие – удовольствие, где взять? А у вас, каждая баня, это Ваня, не только чистота и гигиена, но и душевное удовлетворение! Это, понимаешь, особый русский ритуал. Очищение духа и тела от всякой накопившейся за неделю скверны! – сказал Тимофеев, размышляя по-философски над брэнностью тела и силе русского духа.

– Ты, Тимофеевич, преувеличиваешь, вот для тебя наша баня, это экзотика! Ты даже представить не можешь, сколько за этим кайфом скрыто труда. Воды наноси, дров на год заготовь, веников заготовь. Зимой пару раз баню протопишь, и думаешь, – лучше бы в городе сидел бы в ванне. А если захочешь в сортир? Ты дома присел на теплый толчок и сиди, детективчики почитывай. А у нас? У нас ты зимой сидишь, а ветер холодный в очко тебе завывает сквозь щели, словно в пустую бутылку. Поверь мне, детективчик не считаешь. А когда в самый разгар зимы, из толчка начинают вонючие «Гималаи» подниматься!? Тогда, чтобы погадить, тебе приходится кирпичи подкладывать, чтобы задницей своей на этот фекальный Эверест не взойти. Это дорогой мой гость, уже не экзотика! Это такая – бытовуха. У нас от такой жизни, народ вешается, – сказал Селезнев, сгущая краски местного бытия. – Давай брат, еще по соточке вмажем, да лещем копченым закусим! Смотри, как он на тебя смотрит! Вспоминать будешь мою баньку до конца своих дней! Я тебе это обещаю, – сказал Иван, и вновь разлил в сосуды содержимое бутылок.

– Ваня, я все понял! Приезжай ко мне в столицу, я буду рад тебя в ванне искупать, а если хочешь, то можешь на толчке, хоть целыми днями сидеть. Ты, дружище, только не вешайся – сказал Тимофеев, и засмеялся, посасывая хребет жирного леща – Мы еще поймать этого гада должны.

– Что, Тимофеевич – смешно? Над чужим горем грех смеяться. Мне через два года на пенсию, а я все в капитанах хожу. Майора мне пока даже не светит. А тут еще киллер Афанасьева, со своими заморочками! Все, блин, как назло. За что, за что я так прогневил господу!? – спросил Селезнев, жалуясь на свою нелегкую ментовскую судьбу.

– Не сердчай, Ваня, вот найдем мы убийцу, получишь ты своего майора, и иди ты на свою пенсию, ловить рыбу. Что сидишь ты, как филин на березе, наливай пиво да водку, а то я уже замерзать начал? Может, повторим заход в парную!? – Спросил Тимофеевич, улыбаясь.

В эти минуты Селезнев вспомнил покойного майора. На его душе в одно мгновение стало просто не по себе. Что он заслужил за эти двадцать лет работы в ментовке – майора!? А может просто оставаться человеком? Что он мог оставить хорошего о себе в минуту своего ухода из этой жизни!? Все это тяжелым грузом навалилось на его сердце и он, выдохнув полной грудью воздух, опрокинул стакан с водкой себе в рот, чтобы забыться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЦИКЛОП

В то самое время, когда следствие по делу убийства Афанасьева шло полным ходом, в одном из провинциальных городков, в двухстах километрах от места преступления, в одном из частных домов, на диване лежали фотографии, рукописи и карты. Они—то и были объектом преступлений.

– Валек, на кой хрен ты, опять клиента зажмурил? – спросил Сергей.

– Форточку прикрой, щенок! Будешь указывать, что мне делать. Я, между прочим, все эти бумаги достал пока ты, в машине отсиживался.

– Я не про то. На кой хрен нам эти жмуры? Надо было наклофелинить археолога, а пока он в отключке, прошмонать хату, – сказал Сэм, пересматривая архив поисковика.

– Я смотрю, ты Серый, очень умный! Ты же не знаешь, утырок, что там, в убойном отделе работает мой друг по Кавказу. Если бы клиент остался жив, то уже завтра мой портрет висел бы по всей области.

– На кой хрен ствол светить? Нам бабло не за трупы платят, а за бумаги и карты. Теперь на твоей совести, уже два жмура. Заказчик будет недоволен и вряд ли простит этот косяк, – сказал Сэм, рассматривая документы.

– На моей совести, урод, второй десяток жмуров! Я, Валентин Санников, бывший капитан, и бывший мент отдела по борьбе с бандитизмом. Мне насрать на твоего хозяина! Я не для того ползал по Кавказу и даже был ранен в глаз, чтобы с кем-то делиться баблом! За пять тысяч зеленых пусть малолетки с мокрыми попами занимаются его бумагами! У меня к этому делу свой, особый интерес особый! Я не настолько глуп, чтобы схватив жар—птицу за жопу, просто так её упустить и остаться без золотых чудо перьев – Сказал Санников.

– Ты, Валек, хоть и бывший мент, но дурак дураком? Да если заказчик пронюхает, про твои планы, то нас уже завтра зальют бетоном на одной из строек Москвы. Или заруют под новую ветку МКАДа вместо фундамента. Тут вся братва будет с «Калашами» на «Кайенах», «Мерсах» и «Лексусах». Посекут нас свинцовым дождем, хрен потом высохнешь. А мне помирать еще рано. Я же всего два месяца, как из зоны на волю съехал, – ответил ему Сэм и в нервах бросил бумаги назад в сумку – Не понимаю, ни хрена! Пусть сами разбираются – черт бы их побрал! – сказал он, и, включив телевизор, уперся в него.

– Трындец, будет тебе! Я тебя, Сэм, лично привалю, как врага народа! Если ты меня сейчас не накормишь, я закопаю тебя в огороде! Иди каторжанин, лучше глянь на курицу, может, от неё уже угли остались!?! – сказал Валентин.

Сергей, вышел на кухню, что—то бубня себе под нос. В его голове повторялись слова, сказанные «Циклопом». Вполне могло так случиться, что он действительно пристрелит его и даже не моргнет единственным глазом. Такое положение поделника и жертвы его не устраивало. Товарищеские отношения между ним и Валентином складывались не сегодня, и им было уже больше двадцати лет. Валентин был ментом, и этот статус был, как никогда нужен Сэму в его криминальных делишках. Санников мог поддержать его или в момент опасности выручить. Как компаньон, Санников был профессионал. Дело, которое Сэм замутил еще на зоне, требовало именно ментовской хватки. Маслов старался взвесить все эти «за и против», но факторы склоняли чашу весов в пользу партнерских отношений с Санниковым.

– «Да и хрен с ним! Пусть папа разбирается!» – сказал под нос сам себе Сэм. – Иди хавать, Валек, бройлер спекся! Захвати в баре пузырь и рюмки! Я не люблю жрать водку с граненых стаканов. Ощущаю себя каким-то люмпеном из колхоза «Десять лет без урожая»! Я человек

интеллигентный. Пить желаю, благородные напитки и только из хрустальных бокалов, – сказал Сэм, вытаскивая горячую и румяную курицу на противень. По кухне, будоража нервную систему, мгновенно разошелся запах жареной птицы с чесноком.

В кухню на этот благовонный дух вошел Валентин. Кличку Санников лет шесть назад получил от своих же сослуживцев по спецназу. Как—то при проведении очередной операции, по захвату банды Гидаева, один из боевиков, во время боевого контакта выстрелил из подствольника. Граната ВОГ—25 разорвалась совсем рядом. Основную массу осколков принял на себя бронезилет, но один из осколков все же попал Валентину прямо в правый глаз. Бортом МИ—8В он доставлен был в Шали, а оттуда в госпиталь города Ростова. Момент взрыва Валентин вообще не помнил. Помнил только, как, «праздничным салютом» вспыхнул огонь, в ночном небе, а уже через мгновение провал в сознании. Очнулся он в госпитале. Там Валентин и обнаружил под слоем бинтов и ваты, странную впадину. Хирургу пришлось удалить его из—за полной утраты органа зрения, службу в «спецназе МВД» пришлось ему оставить. Присвоив звание капитан, его уволили с глазным протезом и с минимальной пенсией. Злость и ненависть к людям стали доминантой его воспаленной психики. В любой компании, при любых мероприятиях единственным его разговором было возвращение зрения. Санников где—то слышал, что якобы в Японии вместо глаза имплантируют телекамеры. Валентин, ничего не умел делать в гражданской жизни. Даже стрелять из оружия ему пришлось переучиваться. Отсутствие ведущего правого глаза сводили все его прежнее умение к полному нулю. Пули не попадали в цель, пока в один из дней он не опробовал стрелять с левой руки.

– Черт побери, вкусно пахнет, – сказал Валентин, протягивая тарелки. – Гриль получился прямо, как из ресторана! Ну—ка, давай—ка хозяин обслужи инвалида без очереди!

Сэм острым ножом ловко разрезал курицу пополам, разложив половинки по тарелкам. Нарезав соленых огурцов, он украсил еду зелеными колечками, придавая продукту эстетический вид.

– Рюмки в серванте возьми. Помой. Я с них последний раз четыре года назад пил – Сказал Сэм, намекая на то, что провел эти годы в поселке Горный в учреждении ИУ 64/3 УФСИН РФ.

– Смотреть тошно на курицу без приправы. Хоть бы кетчуп, какой купил, – упрекнул Валентин, полоща в раковине рюмки. Жрать в хате будем, тут можно врезать дуба раньше срока. Не мог, что ли печь протопить?

– Ты, Валек, не зуди мне над ухом. В хате возле камина будем хавать. Я люблю телик смотреть и наслаждаться пищей. У меня в холодильнике кетчуп есть. В дверке на нижней полке – сказал Сергей.

Санников открыл холодильник, и от увиденного, присвистнул. На нижней полке стояла трехлитровая банка квашеной капусты, да пластиковая бутылка с кетчупом. В качестве прикола, прямо по центру, висела игрушечная мышка. К её груди была приклеена табличка с надписью «Так жить нельзя», больше в холодильнике ничего не было. Лишённый напрочь, чувства юмора «Циклоп», при виде суицидной «мыши», скупно прохихикал.

– Слышь, хозяин, а что у тебя холодильник пустой? У тебя, что денег нет жратвы купить? Или ты в нем ботинки зимние хранишь!? – спросил Валентин, стараясь перевести разговор в другое русло.

– Я, Валек, дома, бываю раз в четыре года. Бабы у меня нет. Детей тоже. Поэтому кроме, как кормить мышей – мне больше некого. У меня даже кота нет, потому, что он сдохнет в моем доме от голода! Если мне вдруг пожрать приспичит, то я могу и в ресторан сходить, – с гонором сказал Сэм, намекая на то, что у него через дорогу появилась модная китайская закусочная.

– Ну, у богатых свои причуды! А на хрена ты, придурок, мышь в холодильнике повесил? – Спросил Валентин, сгорая от любопытства.

– Я же дома бываю редко! Бомжи по хатам лезят часто, вот мне и приходится таким образом обороняться от воров. Откроют холодильник, посмеются и уходят, так ничего не взяв. Один

раз, даже на столе оставили сто рублей, и записку написали. «Купи хозяин хлеба – покорми мышей!» Я целый час ржал от такой щедрости. Видишь, даже братва имеет чувство юмора, – сказал Маслов, нарезаая хлеб. – И заметь, ничего ни разу не взяли.

– Ладно базлатъ, у тебя кроме стен времен застоя и мебели с местной свалки ничего нет. Одним словом «малина». Ты же по жизни неудачник и на твою «малину» никто не приходит.

Мне Валек, никто в моей хате не нужен. Здесь мой схрон, мое лежбище. Я сюда даже баб не вожу потому, что, суки сдадут сразу. Лучше давай жрать, а то курица остыла, – сказал Сэм. – Это водка должна быть холодной, а мясо горячим.

Кристалльной чистотой, блеснув в лучах лампочки, водка с бульканьем влилась в хрустальные бокалы.

– Ну, за успех нашего мероприятия! – Санников поднял тост и, чокнувшись с товарищем, одним глотком влил в себя алкоголь.

– Ага – правильно! За него, за наш успех! – ответил Сергей, и, словно гурман лишь отпил половину, хитро взглянув на Валентина.

Сергей Эдуардович Маслов, в местах лишения свободы по кличке СЭМ, в плане распития водки, был довольно изощрен. Откуда к нему прилипла такая привычка, никто из друзей, как и он сам не знал. Он всегда отпивал ровно половину от того, что было налито в рюмку или стакан. После выжидал момент, когда будет повторный розлив. Как только, разливающий поднимал бутылку, чтобы наполнить бокалы, он тут же выпивал остаток, и уже пустой стакан или рюмку подставлял под свежую струю. Такой странности, больше ни у кого из друзей «Циклопа» не было. Сергей Маслов, был приятелем совместного детства. Пока Валентин служил правопорядку, его товарищ Сэм успел дважды отсидеть в местах не столь отдаленных. Такой тандем бывшего мента и хронического уголовника, по мнению «Циклопа», был вполне продуктивен. Санников имел довольно богатый опыт в оперативно—розыскной деятельности, а Сэм знал воровские примочки. Еще тогда, когда Санников работал в ментовке, Маслов, втихую сливал Валентину своих блатных корешей, живя по принципу «курятника», (отпихни ближнего, обосри нижнего, сам стремись наверх). По его мнению, лучшее место для зажавшихся блатных это была зона. Попав в зону, Сергей Мальцев сам становился блатным. Там он никогда не стучал куму на своих сокамерников, зная о тех последствиях, которые могут быть у него, работой он «под прикрытием». Дружба Санников а и Мальцева была странной и была пропитана не человеческими отношениями, а вполне взаимовыгодным существованием – симбиозом. «Циклоп», как опытный мент понимал, что любая оплошность в их общих делах, которая неминуемо приведет к аресту Сэма. А этот фактор обязательно вызовет в его «партнере» страсть к написанию «криминальных мемуаров». Вряд ли этот бестолковый каторжанин сможет противостоять натиску ярых сыскарей из областного РУБОПа. Духом его поделщик был слабоват. Именно этот факт в характере Сэма был слабым звеном, а это отталкивало Валентина от полноценного с ним сотрудничества.

Вытерев руки об вафельное полотенце, Валентин хотел было взять бутылку и повторно разлить по рюмкам водку. Сэм в мгновение ока заглотив остаток. Как всегда с бегаящими крысиными глазками он протянул «Циклопу» рюмку и ехидно улыбнулся. Эти манеры напомнили Валентину историю про мелкого пакостника, который от своей жалости и ущербности делал людям гадости, пока фея не превратила его в крысу. Каждый раз после подобного маневра, его глазки бегали, словно он чего-то боялся. Подобное поведение приятеля вызывало в душе Валентина раздражение. Маслов неоднократно за это был бит в «культурных компаниях». Но даже частые побои не могли исправить этой его пагубной привычки. Маслов с фанатичной упертостью продолжал пить водку таким вот неприемлемым для общества образом. В процессе застолья, это вызывало в душах собутыльников настоящий гнев и всегда становилось поводом для мордобоя.

– Ты Серый, настоящая собака! Ты хорь! Ты какой—то хитрожопый немец! Неужели ты, падла, не можешь пить водку по—русски – одним залпом!? Смотрю на тебя, и поверь, так хочется по твоему каторжанскому уху заехать, – сказал Валентин, повторно разливая напиток.

– Что ты пристал ко мне, мент поганый!? Я так привык с детства! Я на зоне чифирь так пью! Я удовольствие получаю не от количества выпитого, а от его качества! Я аристократично смакую напиток. Ты сам посмотри на себя, мусор – пьешь ты её горькую, словно какой—то «колхозник занюханый». А я пью с интеллигентской эстетичностью! На меня приятно даже и девушкам посмотреть, – сказал Сэм, выпячивая свою грудь – Я, может быть, в прошлой жизни был аристократом или английским лордом! Не то, что некоторые одноглазые менты.

– Это ты, собака, на кого намекаешь? Слушай ты, эстет гребаный, ты, что хочешь сказать, что два срока тарабанил не в зоне строгого режима, а в институте «благородных девиц»? Может тебя там и девственности лишили? Спросят потом братки, почему я с «петушком» за одним столом сидел, – с издевкой в голосе, сказал «Циклоп». Водка разлилась по жилам, и легкое опьянение коснулось поверхности мозга. Валентин почувствовал, как кураж стал перемещаться ближе к сердцу. Зная, что Сэм, сейчас начнет рвать и метать, Санников, принялся его подкалывать. От подобных шуток бывший ЗК заводился с пол оборота, теряя над собой самоконтроль. Сэм, в ярости схватив нож, и вскочил из—за стола.

– Ты че, собака, ментяра ты поганый, хочешь сказать, что я «петух»? – взвился он. – Да ты знаешь, мусор, что если ты, попадешь в зону, то тебе самому там «вскроют пломбу невинности»? Будешь ты, по отрядным сортирам говно из толчков руками выгребать. Там не таких, как ты крутых ломали, были мужички и по крепче тебя! – кричал Маслов, брызгая слюной от закипевшей в нем злобы.

Санников достал пистолет, и, сняв с предохранителя, направил его на своего подельника.

– Я тебе сейчас промеж рогов дырку просверлю, чтобы ты угомонился. Сядь, дурак, я же пошутил! Заточку положи. У тебя ручки-то, от жира скользкие, можешь часом сам на неё своей жопой напорешься! Где мне потом такого закадычного подельника искать!? – спокойно сказал «Циклоп», глядя на подельника через прицел.

– Шутки у тебя, Валек, плоские – ментовские и поганые! Менты, что всегда так шутят!? – Сказал Сэм, кинув нож на стол. Он вытер об полотенце руки и сказал: – Давил бы вас гадов, всю жизнь мне падлы испортили!

– Давилка у тебя еще не выросла! Надо быть тем, кто ты есть по жизни. А по жизни ты, Сэм – лох! Лох, печального образа. Тебя дважды за зону закупоривали, а ты все гоношишься как мондавошка на гребешке. Дурак ты! Иногда меня наводит на мысль, что ты не только мне барабанил! Может, ты и сейчас сексотом на кума подрабатываешь- на общественных началах!?

– Это я собака? Да я, черт ты одноглазый, за всю свою жизнь никого из правильных пацанов не сдал. Я каторжанин честный и понятия блюду строго. Не то, что некоторые. Я ведь тебе по дружбе сливал идиотов. Их и среди положенцев, ни на свободе, ни на зоне, никто не уважает. Наркоты они конченные. Когда их ломки стебают, они за дозняк «Герасима» родную маму ментам продадут, а значит, дело воровское от этого ущерб имеет.

Санников спрятал обратно ствол. Закончив трапезу, он бросил вилку в тарелку. Вытянув ноги, он блаженно закурил. Дым сигарет смешался с запахом протухшего сыра, который стал проникать из—под стола и расходится по комнате.

– Что это за вонь такая? Сэм демонстративно понюхал воздух, и, приподняв скатерть, понял, что запах исходит от ног Валентина. – Слушай Валек, ты освежил бы свои носочки. Иди ноги помой, дышать, бляха-муха, нечем!

– Не хочешь нюхать, не нюхай! Возьми противогаз, и сиди, дыши свежим воздухом!

– Ну, ты и собака, Валентин! Ноги помой, – сказал Сэм, зажимая пальцами нос. Он вскочил из—за стола, прошел в соседнюю комнату и, открыв шкаф, достал оттуда новые носки.

– На тебе носки.

Бросил их в сторону «Циклопа». Тот схватил, и молча встав из—за стола, прошел в ванную комнату.

– «Достал, собака, пора с ним кончать» – сказал сам себе Валентин, глядя на свое отражение в зеркале. Он помыл ноги и вытер их насухо полотенцем, которое висело на крючке. Достав из «оперативки» ствол, он передернул затвор, и, загнав патрон в патронник, вновь вложил в кобуру с взведенным курком.

– Ну, что доволен? – спросил Валентин, располагаясь за столом, – давай выпьем. Санников взял бутылку, и разлил остатки водки по рюмкам. – Давай Сэм, еще по соточке и в школу не пойдем. В тот момент в голове Валентина созрел дерзкий план. Ему хотелось узнать у своего приятеля кто заказчик на эти бумаги. Тогда Сэм в виду его криминальной ущербности становился просто отработанным материалом. Санникову не нужен был такой поделщик. Попав в лапы полиции, тот начнет спасать свою шкуру. Вряд ли он захочет сесть на долгие годы. Не дай Бог ему заключить сделку с правосудием, и тогда вся жизнь Валентина Санникова закончится в камере «Черного лебедя» или на острове «Огненный» на «Вологодском пятаке».

– У тебя есть адрес или телефон твоего кента!? – спросил Валентин, технично напирая на своего поделщика.

«Циклоп», когда был в ванной, вдруг увидел в зеркале совсем иное, и даже незнакомое ему отражение своего собственного лица. Он в тот момент понял, что по жизни он настоящий хищник. Хищник, лишенный чувства боли и чувства сострадания. Хищник, способный не только на дерзкие поступки, но и на жестокие убийства тех, кто стоит у него на пути. А раз он хищник, то в его судьбе не должно быть ни овец, ни таких баранов, как этот Сэм, которые в трудную минуту предадут его самого. Сейчас в его планах было найти заказчика всей этой кутерьмы. Сэм был слаб духом и поэтому и вынужден был обратиться к нему за помощью. В голове Валентина начался просчет ходов, которые в случае решения поставленных задач, приводили его точно по адресу заказчика. Желание, во что бы то ни стало, стать обладателем сокровищами, убило в нем прежнего Санникова, сделав из него настоящую машину для убийств.

– Я Валек, не знаю! Он сам со мной на связь выходит! У меня правда, есть номер его трубы. Еще знаю место, где он постоянно тасуется. Как он мне говорил в зоне. Это в Москве где —то в районе Измайловского гостиничного комплекса. Я скажу честно – там ни разу не был. Там собираются эти антиквариатчики. Зовут его Игорь Котовский, у него на зоне была кличка Кот. Этот Кот держит там весь рынок. Ну, типа – здравствуйте, мы ваша крыша! Он мне этот ствол подогнал. Рядом где был знаменитый Черкизон. А там где такие бабки крутятся, тасуется вся московская благота.

– Этот что ли ствол!? – спросил «Циклоп», вытащив пистолет.

– Ну, да – сказал Сэм. – Я не хотел светить его вообще. Зря ты его замазал этими мокрухами.

– А что было делать!? Как ты говоришь —в вопросе о миллионах баксов. Там где миллионы на кону, такая мелочь, как ствол, или пара тройка лишних трупов, это просто технологические расходы.

– Выкинь его в речку! В крайнем случае, отнеси «цыгану», он тебе «отмоет» его. Он умеет это делать. Он дуло в нем поменяет. Ни одна экспертиза не установит, что ты из него стрелял! Я же за тебя переживаю. Два жмура, Валек, с отягчающими, это, как минимум пожизненный срок. Загребут тебя за задницу мусора. Тогда уже хрен отмажешься, – с опаской в голосе сказал Сэм. – Ты же сам мент, и должен понимать, что засвеченный ствол – это не шутка – надо от него избавляться.

– У нас, что есть альтернатива! У тебя целый склад оружия, как у Доку Умарова? А ствол я мог и в трамвае найти, и ментам между прочим еще нужно доказать, что я был там! Усекаешь момент!? Мало ли по стране стволов валяется. В этих бумагах, которые мы с тобой добыли,

твоего заказчика интересует только два номера. Это координаты – широта и долгота. Ведь каким—то образом они разнюхали про этот самолет? – сказал Валентин, и вновь взял в руки карты, стал пристально рассматривать их. Карт было много, начиная от, простых километровых до карт с большим масштабом. Только знающий человек среди всей этой кучи макулатуры мог найти нужную информацию.

– Ты, Валек, многого не знаешь! Кот мне говорил, что сейчас в Европе, очень популярны военные мемуары бывших фашистов. Ну, те, что у нас воевали на восточном фронте. Эти книги скупают наши «мародеры гробокопатели», и делают их точный перевод. Вот по этим переводам книг, да по воспоминаниям фашистов, они составляют карты и сравнивают их с теми, что были в Красной армии. А потом в архивах разыскивается материал, подтверждающий эту информацию. Все очень просто. Твой первый московский жмур, занимался именно этим. По какой—то книге, а может и по реальным воспоминаниям какого—то Фрица, он и нашел озеро, где упал этот самолет. А потом в архиве министерство обороны, нашел подтверждающую информацию. А через немецкий архив, они установили категорию груза.

– Жаль, у меня нет удостоверения. Я бы сам в архиве узнал бы про то, какие документы запрашивали покойные. Там, в книгах учета, есть сведения. А твой «Хозяин» часом нам мозги не мурыжит? – спросил Валентин. —Может, быть, он специально заказал нам этих клиентов за какие—то их косяки!? Теперь пойдешь, разберись. Половина бабок уже получена и работа сделана.

Мобильный телефон приятеля «Циклопа» замурлыкал мелодией «Битлз» – «Let it Be». Сэм взял трубку и, взглянув на дисплей, махнул Валентину головой, намекая на связь с заказчиком.

– Кот, – привет! – Ответил он, показывая «Циклопу» на пальцах, что это именно тот, о ком пять минут назад, шел разговор. Ты где пропал!? Да я уже три дня, как все сделал! Все бумаги у нас. Карты, фотки—мотки. Всего до хрена! Что завтра приехать в Москву? Хорошо, я завтра буду – сказал Сэм. – Ты, Кот, только бабло не забудь, я на мели.

Сэм выключил телефон, и потер руки, в предчувствии плывущих в них денег.

– Завтра, стрелка с заказчиком. Обещал бабло привезти, а нас просил быть с товаром.

В голове «Циклопа» мгновенно завертелись мысли. Он как бывший опер оценил обстановку и понял, что минуты Сэма со дня на день будут сочтены. Валентин не хотел оставаться за бортом «Каравеллы благополучия» и поэтому решил управление операцией взять в свои руки. Передача похищенных бумаг в чужие руки, отдаляла и его от заветной мечты, имплантировать вместо глаза, японскую телекамеру и стать на зависть коллегам богатым и счастливым. В его душе горел огонек, который придавал ему еще больше решимости. Рука Валентина, медленно потянулась к стволу. Щелкнув предохранителем, он поставил его на боевой взвод.

– Слушай, Серый, я что—то не понял, ты что завтра поедешь без меня в Москву? Так и просто отдашь все эти бумажки!? Ты, что, сучий потрох, хочешь, чтобы нас там кинули, как лохов? Нет, браток! Поедем вместе. Я хочу лично взглянуть на эту «Кошечку». Да и тебя мне нужно подстраховать на всякий случай. Может он тебя слить захочет, – убедительно сказал Санников. Он достал из кобуры «Хайпауэр», и, взяв его в руки, сказал: – Если твой Кот дернется, почесать прыщик, он будет уже тридцать третьим в моем черном списке.

– Базара нет, Валек! Раз мы замутили, надо идти до конца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СМЕРТЬ СВИДЕТЕЛЯ

Выстрелов, ни Сэм, ни Валентин не слышали. Первая пуля, пробив голову Маслова, обдала лицо «Циклопа» кровавой массой мозгов. Вторая пуля хлыстом щелкнула по голове Валентина, разрезав на его черепе кожу. От такого удара Санников не удержался на стуле, и просев от контузии, рухнул на пол, словно труп. На какое—то мгновение, он даже потерял сознание. От удара головой об пол, его стеклянный глаз вывалился, обнажив пустую глазницу. Стекляшка прокатившись по полу, завязла в луже крови Сэма. Со стороны могло показаться, что пуля попала «Циклопу» точно в глаз. Именно это и спасло Валентина от контрольного выстрела в голову, который должен был исполнить киллер.

Через минуту Санников пришел в себя. Он собрал в комок нервы и прислушался. Все его лицо было в крови и мозговой ткани. Валентин, понял, что его дальнейшая судьба, зависит теперь от артистических способностей. Затаив дыхание, он начал играть роль «трупа». Валяющийся рядом окровавленный стеклянный протез, создавал впечатление, достоверной и его скоростной смерти. Он видел, что убийца, стоит среди комнаты. Валентин увидел, как перед его глазом мелькнули фирменные армейские берцы американского производства. Такие он видел в Чечне, когда был там в командировке. Киллер, не торопясь рассматривал бумаги, фотографии и документы которые лежали на диване. Покопавшись, он что—то нашел, и, достав телефон, позвонил заказчику.

– Алло, патрон, ну, у меня все срослось! Правда, пришлось обоим валить! Во, я знаю!? Тут у него на столе водка недопитая – жратва. Ну, видно, что на радостях Сережка поляну накрывал, да выпивал с этим мужиком. Да, я не знаю, что это за хрен такой-то с бугра! Я ему с ходу прямо в шнифт попал, мозги по всей хате разлетелись, вон его глаз на полу валяется! Да, да рядом на полу. А карту я нашел, – услышал Валентин, и понял, что убийца в отличие от него, точно знал, что искать.

Докурив сигарету, киллер бросил окурочек на ватное одеяло, которое лежало на диване. Без лишней суеты, как истинный профессионал, он вышел из дома и растворился во мраке ночи.

Валентин, потрясенный случившимся, еще несколько минут лежал на полу без движения. Он боялся, что киллер, может вернуться, и сделает контрольный выстрел, который Санникову был не нужен. Время шло, а стрелок не возвращался. Санников поднялся с пола тогда, когда до его носа дошел запах тлеющей ваты. Собрав силы, он поднялся с пола. Голова жутко болела. Было ощущение, что кто—то стукнул по ней металлическим прутом. Валентин поднял спасший ему жизнь протез глаза. Присев на стул, он бросил его в рюмку с водкой. Покрутив его там, словно в шейкере, вытер полотенцем свой «орган зрения» и вставил на место. Только сейчас он понял, что его бьет нервная дрожь. Смерть, очередной раз, опухнула холодком и пронеслась мимо. После пули на голове осталась стерня выбритых волос, да кровотокающая ссадина. Возьми убийца на сантиметр ниже и. Руки «Циклопа» затряслись еще сильнее. Всего пять минут назад, он чуть ни стал жертвой наемного убийцы. Валентин схватил бутылку, и из горла вылил в свой желудок остатки водки. Было желание успокоить стресс и дрожь, которая так сейчас досаждала ему. От действия алкоголя нервная лихорадка слегка улеглась.

– «Это же надо – меня чуть не зажмурили. Ну, вот и всё Сергей Эдуардович, наш с вами тандем закончился. А еще десять минут назад ты, мечтал быть богатым и знаменитым. Видишь, как бывает. У судьбы свои представления о счастье» – сказал сам себе Валентин, поливая водкой место, где прошла пуля.

Дым от тлеющего одеяла еще больше наполнил комнату. Черная дыра с кроваво красными краями с каждой минутой становилось все больше и больше, пока огонек не побежал по пододеяльнику, а уже после, и по всему дивану. «Циклоп», прикрыв рот мокрым полотенцем, склонился над трупом. Он пошарил в карманах, изъяв мобильник, деньги и документы Сэма. Сунув в руку покойного паленый «Браунинг», Санников сказал поконику:

– Прости браток, ну так надо! Тебе все равно, что подумают соседи, а мне еще пожить хочется. Валентин основательно вытер все предметы, удаляя отпечатки пальцев на всякий случай. Тушить горевшее одеяло, он не стал. Как опер Валентин понимал, что огонь скроет все следы. Когда процедура по устранению улики его пребывания была завершена, Валентин юркнул во входную дверь, и словно призрак, растворился в темноте ночи. Напоследок он обернулся в сторону дома. Он хотел собственным глазом видеть, как пламя змеей ползет по шторам, перекидываясь на домашние вещи и мебель. Увидев огонь, он почувствовал, что свободен. Свободен, от своего прошлого. Свободен, от груза убийств, которые еще пять минут назад «висели» на нем, словно пудовые кандалы на ногах осужденного душегубца.

– Пусть земля тебе будет пухом, – сказал последний раз Валентин, перекрестив горящий дом Сэма. В эту секунду Санников, как будто пожалел друга детства, но с другой стороны, покойный, да еще и с пистолетом, мог отвести от него подозрение в двойном убийстве. Через пять минут пламя сквозь треснувшее от огня стекло вырвалось наружу. Огонь, хлебнув кислорода, побежал по деревянным конструкциям, пожирая все, что могло гореть. Дом, объятый пламенем, затрещал, скрывая в пекле все что связывало его с этой мутной личностью. Чем дальше Санников отходил от горящего дома, тем легче становилось ему на душе. Казалось, что все мосты прошлой жизни сожжены, и теперь он чист перед законом и перед своей совестью.

Определив приоритеты, теперь Валентин вывел в голове алгоритм своих действий на ближайшие месяцы. Убийца должен быть наказан. Валентин в своих фантазиях представил, как он дождетя удобного случая, и вонзит в его горло острое жало ножа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СЛЕД

В кармане капитана Селезнева загудел вибратор и раздался звонок мобильного. Достав трубу, Иван, рассмотрел номер Тимофеева. В душе возникло странное предчувствие.

– Алло, Смольный на проводе!!! – съехидничал Селезнев.

– Ваня, это ты? – спросил далекий голос московского следователя.

– Нет! Это не я, а товарищ Фантомас! – опять съязвил капитан, давясь от приступа смеха.

– Слушай Селезнев, хорош прикалываться! Ты, лучше скажи, тебе пришло постановление из областного следственного комитета, что по нашему делу нашлись улики и пистолетик? – спросил Тимофеев, на другом конце провода.

– Ну, пришло! – ответил Иван, с чувством облегчения. Пусть теперь этим делом занимаются наши коллеги из области. Они нашли, пусть они и ведут это дело, – сказал Иван, переводя стрелки.

– Иван Васильевич, а ты можешь мне высказать свои соображения по этому поводу, спросил Тимофеев, – каковы твои дальнейшие действия?

– Мне—то какой от этого прок? Пистолет найден на территории другого района. Предполагаемый убийца установлен. Заказчик произвел зачистку. Все ясно как божий день, можно закрывать дело. Я Васильевич, умываю руки, дело передаю в следственный комитет области, а они уж пусть сами решают. Я все бумаги себе скопировал – так на всякий случай.

– Не так—то просто Иван Васильевич, тебе от нас отделаться. А что если ствол подбросили специально? А если это и не киллер вовсе!? Ты мне сделай характеристику на этого Маслова. Он, где—то рядом с вами отбывал наказание ИТУ. Прокатись-ка на зону, пусть тебе начальник оперативной части справку даст. На него сто процентов есть досье с докладными от стукачей.

– Тимофеевич, а командировочные ты мне будешь оплачивать? Я что—то за свой счет ехать не имею желания, чай туда и обратно верст триста с гаком.

– Я как тебе отдельно оплачу из своего кармана. В областное УВД напишу представление, чтобы тебе премиальные начислили, – сказал москвич.

– Ага, начислят. Дождешься от них благодарности. Короче Тимофеевич, с тебя при встрече тридцать литров бензина и пирожок с капустой.

– Лады, Ваня! Только, как вернешься из зоны, перегони мне по факсу или интернету досье на Маслова. Хочу глянуть, что это за тип такой. Я Иван Васильевич, предполагаю, что Маслов мог быть нанят тем, с кем он сидел вместе. Ну, или с кем вращается в этих кругах. Нам связи его надо пробить, выписки телефонных переговоров. У нас с тобой, два покойника с одинаковой профессиональной ориентацией. А это значит, что они все были связаны друг с другом. Вот тут нужно найти каким боком в этой компании оказался Сергей Маслов.

– Мне твои заморочки, Васильевич, бьют по карману и по мозгу.

На другом конце провода Тимофеев разразился смехом.

– Ты что, на пенсию капитаном уйти хочешь? Дело только стало набирать обороты, а ты уже мечтаешь о его закрытии! Нет, Ваня, наличие трупа предполагаемого убийцы это не повод в закрытии оперативно-розыскного дела. Возможно, кто—то специально хочет, чтобы это дело именно так было. Кто—то явно зачищается! – Добро Вань, держи меня в курсе!

Селезнев положил трубку и передразнил:

– «Добро, Вань. Добро, Вань!»! Какое на хрен тут добро!? Хорошо этому подполковнику – машина престижная, туалет теплый, ванная с горячей водой. Да и сидит в кабинете жопу ото-

рвать лень, а тут теперь прись на этот «Горный», ищи там сокамерников этого Маслова. Сафоновские менты – собаки, как только узнали, что ствол проходит по этому делу, сразу своего жмурика спихнули москвичам, а у нас своих заморочек мало?» – подумал Селезнев, мысленно собираясь в дальнюю дорогу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗОНА

Здание администрации колонии ИК64/3, высилось недалеко от ворот лагеря. С третьего этажа, где был кабинет начальника оперативного отдела подполковника Ратникова, просматривались просторы «черной» зоны, как говорят воры. Четыре высоких забора с колючей проволокой и системой сигнализации окружали довольно большое пространство, некогда бывшей угольной шахты. Вдалеке – на противоположной стороне колонии, высился заросший террикон вынутой из-под земли породы. На верхушке стояла тренога с красным маячковым фонарем для отпугивания заблудившейся авиации. Двухэтажные бараки были окружены трехметровым металлическим забором, отделявший один отряд от другого, создавая локальные зоны. Подобное пенитенциарное заведение, вызывало в душе странный тяжелый осадок. Иван знал, что в этом исправительном учреждении, сидят его земляки, которых он в свое время выловил за различные преступления. Подполковник Ратников, встретил капитана довольно радушно, сходу предложив чай со свежей сдобой. Иван подробно рассказал о цели своего визита.

«Кум», как на зоне называли начальника оперативной части, внимательно выслушав, достал свою волшебную картотеку. После недолгих поисков, на стол легла папка—досье, на бывшего заключенного Сергея Эдуардовича Маслова по кличке Сэм 1972 года рождения. Осужденного Ленинским судом города Смоленска к 6 годам лишения свободы по статье 162 ч. 2 ст. 222 ч. 2 УК РФ. В этой папке содержалась вся информация по бывшему заключенному. После недолгих поисков, подполковник нашел среди приговора, постановлений, рапортов контролеров, донесения нештатных сотрудников оперативного отдела из числа осужденных.

– Ну, что Иван Васильевич, вот на Маслова у меня целое досье! Уже после освобождения, можно было сразу же на третий срок определять! Личность скажу довольно мутная. Дружбы ни с кем не водил. Правда было у него всего два «семейника», вот с ними и общался. Злостный нарушитель режима содержания, как говорят на зоне «отрицалово» или блатной. Неоднократно водворялся в ПКТ в ШИЗО, был в своем роде «серым кардиналом». Смотри, вон, сколько контролеры написали на него рапортов, можно даже криминальный роман написать, – сказал Кум, и положил на стол папку с личным делом осужденного.

– Александр Николаевич, меня интересуют его связи с теми личностями, кто отбывал наказание по трофеям или еще каким артефактам времен войны. Может за оружие кто сидел, за взрывчатку? – спросил Селезнев, надеясь найти хоть малейшую зацепку.

– На вот тебе папку, смотри и изучай! Тут есть донесения, наших осведомителей с кем он общался. С кем водку пил, с кем вступал в конфликты, тут все написано. Если надо то я тебе еще встречу с нашими агентами устрою, они тебе все, как на духу поведают. Есть у меня один такой, с его отряда. Шустрый малый, словно «Штирлиц», сам среди блатных крутится, все его считают «отрицаловом», но информацию сливает – я тебе скажу довольно эксклюзивную! Мы уже не одного урку по его наводкам, в следственный изолятор отправили. К их срокам еще потом наваливают, как «коням». Приходит с тремя – пятью годами, а раскручивают, на восемь десять. Ценный агент, скажу я тебе! – сказал Кум, и, подойдя к окну, взглянул в зону.

Селезнев, углубился в изучение криминального чтива, записывая в блокнот, повторяющиеся имена. После изучения этого досье, стало прорисовываться некое подобие на его криминальные связи. Долго сидеть тут ему не хотелось, так как до дома, было около двухсот километров, поэтому время подгоняло Ивана.

– Александр Николаевич, посмотри, тут речь идет о некоем Игоре Александровиче Котовском – кто это такой, у вас есть на него какие данные? Он по донесениям ваших агентов, почти постоянно с ним крутится, – спросил Селезнев, видя связь между этими зеками.

– Котовский—Котовский! А это же его семейник. Он сам с Москвы! Я сейчас посмотрю его досье, где—то должна быть информация по этому Котовскому.

После недолгих поисков, на столе появилась пака, перечеркнутая по диагонали красной полосой.

– Вот смотри Васильевич, полный набор 158, 162, 222, 223 уголовного кодекса России; склонность к побегу, срок шесть лет, освобожден за два месяца, до того, как освобожден Маслов. Это уже говорит о том, что между ними мог быть некий криминальный тандем.

– Александрович, ты скажи мне, где он прописан!? – не теряя надежды, спросил Иван.

– Так записывай, Москва улица маршала Рокоссовского, дом 105 корпус 2 квартира 97. Тоже собака, крученный крендель – кличка Кот! – сказал «Кум» подавая Селезневу фотографии и донесения сексотов.— Ты зачем пишешь, я тебе сейчас все отсканирую, и можешь, забрать себе ксерокопии. Потом к делу подошьешь!

Изучая бумажки, Иван обратил внимание на довольно тесную связь между Котом и Сэмом. Обычно, как говорят зеки, «семейники» вместе живут не долго. В конечном итоге кто—то начинает «тянуть одеяло на себя», и тогда эти связи взаимного существования рушились, а некогда бывшие друзья разбежались по разным углам барака. Связь Сэма и Кота, длилась четыре года, что уже говорило об их исключительных отношениях и возможно даже и дружбе. Но в другом случае, кто—то из них мог, просто прикинувшись лохом, и мог вполне использовать друга для достижения своего интереса уже на свободе. Такое явление в местах заключения было не ново, и история знала, те случаи, когда друзья на зоне, на свободе становились убийцами и их жертвами. Сейчас, когда на руках были такие данные, удовлетворенный своим расследованием, Селезнев откланялся, и, поблагодарив начальника оперативной части учреждения, вышел на свежий воздух. Достав сигарету, он закурил. Вдыхая дым, он задумался, и в своих мыслях замер на связях Кота и Маслова, словно заморозился. Как ему казалось, именно с этого момента ниточка следствия стала понемножку разматываться. Правда было еще неизвестно, причастен ли сам Кот к убийству Солдатова или Афанасьева. Вырисовывалась версия, что Котовский, вполне мог нанять своего сокамерника для этого убийства. Мог нанять!? А нанял ли? Это надо было еще доказать! Самое главное, что вопросом этого Котовского, будет теперь заниматься Тимофеев, а это уже радовало Селезнева до глубины души. Такого как он провинциала в Москве, никто не ждал, а особенно с таким делом. По воле случая оно оказалось разделенным между двумя городами и двумя следователями, чтобы по окончании соединиться в единое целое.

Старенькая шестерка заурчала и поднимая густые клубы сизого дыма, тронулась в направлении дома. Иван, взглянул в зеркало заднего вида. В голове Иван моментально прорисовался мотор машины, который уже давно выработал срок и требовал капитального ремонта. Из своего опыта Селезнев знал, что преследовать матерого преступника, как в крутом боевике ему не светит. Испокон веков район, где он работал, в плане криминала слыл благополучным. А в условиях российского бездорожья этот «Жигуль» был явно слабоват. Вот поэтому, он по поводу преждевременной кончины мотора, не переживал, сожалея лишь о том, что не попадает под программу утилизации. Дорога домой по идее должна была быть короче, но сегодня был день особенный и на протяжении всего пути он раз пятнадцать останавливался и пятнадцать раз через топливный шланг насосом продувал карбюратор. Домой Иван добрался только к полуночи. Выжатый, словно лимон, воняющий бензином. Селезнев, моментально завалился спать, даже не поужинав. Единственное, что перед сном пришло в голову, это была мысль, о майорских погонах, которые требовали полнейшей отдачи. С этой мыслью он уснул, и сон, словно облако опустился на его голову, затянув Ивана в своей пленой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ХИТРЫЙ ПЛАН

Вот уже двое суток, Санников валялся на диване у Соньки. Он, словно побитый в боях кобель, зализывал у нее боевые раны, планируя операцию по выявлению и нейтрализации своего обидчика.

Сонька была в городе личностью знаменитой. За двумя ходками в места лишения свободы, она ничуть не изменилась. Её тело и внешность, выдержанное на перловой лагерной диете было, такими же очаровательным и сексапильным, как в молодые годы. Вряд ли кто из мужиков, мог распознать в ней коварную воровку на доверии, ибо её лицо завораживало и тут же обезоруживало любого, кто решался с ней на флирт. А еще она была очень начитана. От нее прямо веяло какой—то аристократией в сочетании с женственностью. В отличие от хабалок, она по фене никогда не ругалась. В своей квартире сборищ и попок не устраивала. С местными бомжами и приבלатненными не зналась. Сонька была бабой чистоплотной и аккуратной. В гнездышке своем блюла идеальный порядок. Менты по долгу службы Соньке старались не досаждать. Документы она держала в исправности и на осложнения с законом откровенно не шла. Менты знали, что за несанкционированное вторжение в порядке служебного рвения, они могли получить служебное несоответствие. Поэтому никогда в гости не захаживали. Кого боялась Сонька, так это Валентина Санников а, прозванного в народе «Циклоп». От простых ментов, Санников отличался авантюрной и дерзкой харизмой. Как мента она не могла его терпеть, но как мужика просто боготворила и подпустила к своему телу лишь тогда, когда он был уволен на пенсию по ранению. Появление Валентина в своем доме она связала с судьбой. Его кровоточащая рана на голове стала поводом для её полной капитуляции. Забыв про то, что Валентин бывший мент, Соня не с того, ни с сего окружила его настоящей материнской заботой. Валентин, почувствовав к себе интерес, решил остаться у неё до своего полного выздоровления, а там и. Как всякая женщина, Соня настроилась в отношении Санников а серьезным образом. Присутствие мужчины в доме, старалась использовать только во благо себе. Она знала, что Санников был мужиком одиноким и до ласки голодным. Его бывшая жена после боевого ранения кормильца в глаз, не смогла удержаться от соблазна заглушить горе алкоголем. Ради успокоения нервов она в отсутствие мужа начала сильно пить. Через год втянутая «зеленым змием» в бездонную пучину она опустилась до уровня плинтуса и всего за один год стореда, как свеча. Встретила Света свою смерть в пьяном угаре от сердечной недостаточности. Окоченевший труп её нашли утром сидящим возле забора. С тех пор, как Валентин похоронил жену, в течении двух лет он жил один.

После последней отсидки, Соня, по протезе местных «воров» и авторитетов была пристроена в отель «Оазис» администратором ресторана. Ресторан она держала под полным контролем. Местные бандиты постоянно были с информацией о богатой клиентуре, которая оставалась там на постой. К своей зарплате Соня имела всегда хороший приварок.

Санников знал об этом по оперативной работе, поэтому держал эту женщину в своих руках, как пойманную голубку. Мог казнить, а мог и помиловать. Доверял Санников «винтовке», как самому себе. От нее в отличие от других баб веяло не бабской болтливостью, а настоящей мужской надежностью. По мере выздоровления Санников сосредотачивал свои действия на поисках убийцы. Валентин понимал, что еще пару недель, и следственный комитет выйдет на него. И обязательно бывши коллеги спросят, где он был в те дни, когда были убиты и этот отставник Афанасьев, и Солдатов. Санников знал, что виной всему станет его мобильный телефон, который он засветил в сети. Вопреки здравому смыслу Валентин не залег на дно.

Наоборот, сменив телефон и СИМку, решил первым прозондировать почву. В один из дней, он, как ни в чем небывало появился в местном РОВД.

– Привет Валентин, – поздоровался с ним дежурный по РОВД, который курил на крыльце, – я слышал, тебя недавно уволили. -Ну и как живется на пенсии?

– Было дело. Говорят, что с одним глазом я не могу служить верно Родине, – сказал Валентин, пожимая ему руку. -Уволили суки меня капитаном. За ранение на Кавказе всего двенадцать тысяч пенсии. С квартирой тоже меня кинули, живу сейчас у матери. Вот так в 45 лет я остаюсь без жилья и заработка.

– А, к нам каким ветром?

– Хочу, как бы на работу пристроиться вольнонаемным. Может завгаром, или каким сантехником или заведующим КПЗ?

– Сочувствую, но лично я, ни чем тебе помочь не могу. Это тебе надо к начальнику РОВД полковнику Семенову. А ты сам знаешь, раз в управлении на тебя есть приказ о списании, то и Семенов вряд ли захочет тебя взять даже сантехником. На хрена ему Валентин, этот гемор?

– Слушай, Леша, а кто там, на старом поселке сгорел несколько дней назад, – как бы невзначай спросил «Циклоп». – Я, слышал краем уха, что кого—то убили, а потом дом вроде подожгли.

– А, было дело. Сэм, такой – Маслов. Местный криминальный авторитет, как у нас говорят. Что—то с кем—то он не поделил. Федоров Витька старлей из криминальной полиции его дело вел. Ты его знаешь, он в отделе у нас раньше работал, а потом его перевели в областное управление.

– А причем тут Федоров, там же жмур, а это же дело областного следственного комитета, – спросил Валентин.

– Витька, передал дело в Московский СК. Я точно не знаю, но там вроде ствол нашли, который по делу заказного жмура в Москве проходит. Ну, типа его подрядили от Московского следственного комитета быть представителем по этому делу в нашем районе.

– Ага, понятно теперь! Ладно, Леша, пойду я дальше искать работу, – сказал Валентин, с унылым видом и, подав руку, попрощался.

Сейчас «Циклопу» стало ясно, что пистолет вместе с Сэмом не сгорел. Раз Федоров, передал дело москвичам, значит, экспертиза установила, что оружие причастно к двум убийствам, а значит москвичи будут играть в этом деле основную партию пока все дела не сольют в одно делопроизводство и не найдут настоящего киллера. Эти будут копать не один год, но установят, кто это был, и за что были убиты эти поисковики.

Пока его новая пассия Сонька «винтовка» в поте лица трудилась в отеле, Валентин сидел у нее в квартире, привыкая к семейной жизни.

– Как ты, мой котик!/? Не соскучился ли ты, по своей кошечке!/? – Каждый день по возвращении говорила его подружка, обращаясь к предмету своего вздыхания.

– Скучно мне! – отвечал «Циклоп». Он страстно, словно молодожен впивался в пухлые Сонькины губы, и, вдавливая её своей грудью во входную дверь, начинал заводить. Соня покорно отпускала сумки с продуктами на пол и отдавалась напору Валентина прямо в прихожей. Она инстинктивно задирала ножку, облаченную в колготки, и в этот миг сильные руки Циклопа подхватывали её, и тащили в комнату на кровать. Сердце зрелой женщины замирало в предчувствии бушующей страсти. Валентин после дня безделья не мог терпеть одиночества. Его страсть, его желание вспыхивали с такой силой, что он был просто не в состоянии адекватно мыслить. В Соньке его всегда влекло страстное желание её плоти и её азарт. Вид сексапильного тела, приводил его в закипающий вулкан, и он, потеряв голову, бросался в этот омут любви.

Как настоящая красивая и желанная баба в нижнем белье Сонька знала толк. Поэтому денег на ажурные лифчики и трусики, никогда не жалела. От её белья, поясков подвязок и чулочков «Леванте», Валентина трясло, словно под действием разряда электрического тока.

Он падал перед своей богиней на колени и в порыве страстных поцелуев, стягивал с нее зубами все, что мешало наслаждению её роскошным телом. Соня в такие минуты любовных игр, отключала свое сознание и впадала в пучину страстей. Она мечтала только об одном: Не смотря на свой статус воровки она была простой бабой и мечтала выйти за Валентина замуж. Она просто бредила идеей нарожать ему много—много маленьких деток. Ей казалось, что эти любовные игры, порождают в её фантазиях начало каких-то долгосрочных отношений, в которые она хотела верить. Годы, проведенные в колонии, отрывали её от естественного желания любой бабы быть счастливой. После грязных лагерных барачков, бельевых вшей и конченных наркоманш, ей страшно хотелось семейного тепла и уюта. Каждый день на зоне, она мечтала, что у нее обязательно будет такой мужик, как Валентин. Она, не смотря на свои тридцать семь лет, родит ребеночка, который будет только её. Соня решила, что остаток жизни она посвятить себе любимой, а не воровскому промыслу. К этому времени ей уже давно до тошноты надоела вся эта блатная, и полная опасностей воровская жизнь.

Санников Валентин, столкнувшись с женщиной в семейной жизни всего один раз, больше не испытывал желания искушать свою судьбу вторично. Сонька очень нравилась ему. В ней было что—то такое, что могло бы склонить чашу весов в сторону брачного союза. Именно этого, он и боялся больше всего на свете. Вступив на «тропу войны», в надежде заработать капитал, он не мог гарантировать счастливую и безопасную жизнь своей второй половинке.

– Ты сегодня довольна мной!? – Спросил Валентин, целуя алые Сонькины губы. Может, пришла пора перекусить, а то я целый день на диете? Давай – тащи, свои баулы с ресторанными обедами, будем питаться! – сказал он, ощущая накативший приступ голода.

– Одну секунду мой повелитель, – ответила Соня, не шелохнувшись.– Только сказать хочу тебе, что я не настолько опустилась, чтобы потчевать тебя милый ресторанными обедами. Ты, понял мой дорогой! – сказала она с обидой в голосе. – Следующий раз скажешь мне такое, будешь питаться в кафешке.

Валентин по тону её голоса ощутил, что совершил глупость, сказав про ресторанные обеды. Мгновенно превратившись в белого и пушистого кролика, он поспешил нежно поцеловать её ручку, и, виноватым голосом сказал:

– Прости меня моя кормилица, поилица и давалица, безделье убивает во мне мужскую личность.

– А, то смотри мне ментяра, я тебя быстро отправлю на вольные хлеба. Мне здесь нужен мужик, а не утилизатор пищевых продуктов. Тебе это ясно!?

– Ясно мой свет, – ответил Санников целуя её ручку.

Валентин знал, что Сонька баба с гонором. Был бы он рабочим ментом, её выпады были бы пусты, как пивная банка. Но сейчас – сейчас она была хозяйкой положения и поэтому его молчание и покорность были, как-никак кстати. Валентин знал, что Сонька не посмотрит на то, что он в нее влюблен по-настоящему. Она, одним словом – нет, может поставить точку в их отношениях и тогда путь к богатству будет сдвинут далеко в темный угол. Сонька, как воровка на доверии и красивая баба была нужна Валентину в качестве подельника вместо Сэма. Её присутствие в деле увеличивало его шанс на успех. Любой мужик, встретив такую женщину, как она, терял голову вместе с бдительностью.

– Ну, что ты, милый, сохнешь, как тарань на веревочке! Будешь ты, сегодня питаться или нет? Я для тебя пру из ресторана отбивные, антрекоты, эскалопы, не для того, чтобы ими котов кормить. Все для тебя мой ясный свет? – говорила ему подружка, видя, как Валентин в раздумьях вновь ушел в себя.

– Да, я так – задумался малость, – ответил он, стараясь скрыть печать грусти.

– Что с тобой, Валек? – спросила она, видя, как в одно мгновение у него пропал аппетит.

– Трясет меня, что—то. После того, как Сэма привалили, я теперь, словно потерял. Серегу убили прямо на моих глазах. В тот вечер, мы кушали у него курицу. Пили водку.

А потом бац-бац и все – Сэм труп. Я сидел за столом напротив него. Ему попала пуля в затылок. А меня лишь чиркнула по темечку. Сантиметр ниже и меня бы рядом с тобой не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.